

НЕКОТОРЫЕ
СВЯЗИ
НЕ РАЗРЫВАЮТСЯ.
ОНИ ПРОСТО
УХОДЯТ ДАЛЬШЕ.

НАСЛЕДИЕ ЗУЛТАН

— РАЗЛОМ —

ТРИ МЕСТА.
ТРИ СУДЬБЫ.
И ПУТЬ,
КОТОРЫЙ
ПРОДОЛЖАЕТСЯ.

— АЙЛИН —

Айлин Айлин

Наследие Зултан. Разлом

<https://litres.ru/74606097>

SelfPub; 2026

Аннотация

Границы между мирами начинают разрушаться. Древние тайны рода Зултан оживают, а сила, которую невозможно подчинить, угрожает изменить сам порядок мироздания.

Виолетте предстоит разобраться в наследии предков и сделать выбор, от которого зависит судьба не только её семьи. Но что, если мир нуждается не в спасении, а в переменах, которых все так боятся?

Содержание

Глава 1. Десять минут	4
Глава 2. Не верь карте	17
Глава 3. Два дома	32
Глава 4. Старый кабинет	46
Глава 5. Третья ступень	64
Глава 6. Сирень	69
Глава 7. Синяя дверь	77
Глава 8. Человек в конце коридора	89
Глава 9. Под фундаментом	105
Глава 10. Ребёнок у порога	118
Глава 11. Тот, кто уже возвращался	133
Глава 12. Дом Ардена	150
Конец ознакомительного фрагмента.	163

Айлин

Наследие Зултан. Разлом

Глава 1. Десять минут

Квартира встретила Виолетту тишиной.

Не той особенной тишиной Первого Дома, в которой всегда чувствовалось присутствие чего-то живого, способного ответить, если правильно обратиться. Здесь гудел холодильник, за закрытыми окнами проезжали машины, пахло помещением, в котором несколько дней никто по-настоящему не жил.

Она остановилась в прихожей и не сразу сняла пальто. За последние недели квартира успела стать странным местом. Здесь всё ещё существовали работа, документы, планы на отпуск, вечера, когда можно было спорить о том, куда поставить новый шкаф. Даже теперь ей казалось, что Андрей вот-вот выйдет из комнаты и спросит, где его часы.

Виолетта прошла в гостиную, положила сумку на диван и посмотрела на стол. Папка с документами о разводе лежала там, где она оставила её в прошлый раз. Юрист прислал окончательный вариант соглашения; оставалось подписать бумаги и подготовить вещи, которые Андрей заберёт позже.

После Вершины она никак не могла заставить себя сесть

и решить, кому остаётся кофемашина.

Из сумки донёсся шорох. Между ручками медленно поднялась красная морда.

— Нет, — сказала Виолетта. — Ты обещал остаться в Первом Доме.

— Я ничего не обещал.

— Ты сказал: «Хорошо».

— Это не обещание.

Шустрик выбрался полностью и сел на сумку. Виолетта ждала объяснения, но он только посмотрел на неё.

— Ты грустная. Значит, тебе нельзя одной.

— Это так не работает. Если человеку грустно, он иногда хочет побыть один.

— Ты хочешь?

Она уже собиралась ответить «да», но замешкалась.

— Не знаю.

— Тогда я правильно пришёл.

Он спрыгнул на пол, явно считая разговор законченным. Виолетта сняла пальто.

— Ладно, оставайся. Но ничего не трогай.

— Я никогда.

Она посмотрела на него.

— Хорошо. Почти никогда, — поправился Шустрик.

— И не ходи на кухню. В прошлый раз ты ел печенье вместе с упаковкой.

— Упаковка была вкусная.

— Именно поэтому.

Он обиженно фыркнул и убежал в гостиную. По крайней мере, теперь квартира перестала быть совсем тихой.

Она решила начать с кабинета. Здесь оставались деловые бумаги, книги, старый ноутбук; часть архива уже перенесли в офис. Андрей почти не пользовался этой комнатой, и Виолетте было легче разбирать вещи, с которыми его не связывало ни одной привычки.

Она включила свет и невольно задержалась у стола. Вспомнила первые старые книги, появившиеся в офисе, и письмо, которое прочла дома. Тогда самым страшным оказался разговор с Андреем: он уже давно любил другую. С тех пор к этому воспоминанию прибавились Восьмой узел, возвращение Марии, Вершина и приказ об уничтожении. А через три дня Совет собирался определить её статус, словно для самого существования Виолетты требовался отдельный документ.

Она усмехнулась.

— Что? — донёсся голос Шустрика.

— Ничего.

— Ты разговариваешь сама с собой.

— Иногда полезно.

— Тогда говори громче.

— Иди ищи печенье.

— Ты запретила.

— Вот и соблюдай запрет.

— Очень противоречивый человек.

Виолетта улыбнулась и открыла ящик. Ручки, старые визитки, несколько флешек, блокнот трёхлетней давности — всё это было её. Она сложила вещи в коробку, выдвинула нижний ящик и остановилась.

Внутри лежал небольшой тёмный деревянный футляр. Она не помнила его. После фотографии Павла и чужих предметов в офисе незнакомые вещи уже не казались безобидными.

— Шустрик.

Он появился почти мгновенно, запрыгнул на кресло и потянулся к ящику.

— Не трогай, — сказала Виолетта.

— Я и не собирался. Он плохо пахнет.

Она убрала руку с края ящика.

— Чем?

Шустрик наклонился, но близко не подошёл.

— Старой магией. Больше не знаю.

— Очень информативно.

— Ты спросила.

Виолетта достала серебряный диск, который оставил Антон, и положила рядом. В квартире связь с Первым Домом была слабой, но диск обычно работал.

— Антон.

Он ответил почти сразу.

— Вы заняты?

— Уже нет.

— Нашла деревянный футляр. Не помню, чтобы он был в квартире. Шустрик чувствует старую магию.

— Не открывайте.

— Я и не собиралась.

Шустрик тихо кашлянул. Виолетта покосилась на него, затем описала футляр: тёмное дерево, никаких видимых знаков или света. По просьбе Антона поднесла к нему руку, не касаясь. Ничего не произошло.

— Тогда подождите, — сказал он. — Я приду.

— Вы, кажется, решили, что любую подозрительную вещь в моей жизни нужно изучать лично.

— А вы решили, что можете изучать их одна.

— Я не сказала, что буду открывать.

Антон не ответил сразу. Виолетта посмотрела на пустую крышку и вздохнула.

— Ладно. Подожду.

Когда связь отключилась, Шустрик придвинулся к краю кресла.

— Ты всё равно потрогаешь?

— Нет.

— Уверена?

Она посмотрела на футляр.

— Нет.

— Хороший ответ.

— Все слишком быстро переняли эту привычку.

Антон появился примерно через двадцать минут, вместе с Марией. Вioletta открыла дверь и сразу нахмурилась.

— Я звала Антона.

— Он сказал «подозрительный магический предмет», — ответила мать, снимая пальто. — Я услышала.

— И решила приехать.

— Да.

Вioletta посмотрела на Антона.

— Вы всегда так передаёте информацию?

— Я сказал вслух. В Первом Доме трудно сохранять конфиденциальность.

— Особенно когда мама слушает.

Мария невинно подняла бровь.

— Я просто проходила мимо.

— Она бежала, — сообщил Шустрик из комнаты.

— Предатель.

— Я свидетель.

Антон снял куртку и спросил, где футляр. Вioletta повела их в кабинет. Мария вошла последней — и замерла в дверях. Вioletta обернулась: мать смотрела на открытый ящик.

— Где ты это взяла?

— Он лежал здесь.

— Не мог.

Мария подошла к столу, но не протянула руку. Антон от-

ступил, давая ей место.

— Вы знаете предмет?

Она кивнула, не отрывая взгляда от дерева.

— Мама, чей он?

— Был мой. Ещё до твоего рождения.

— Ты оставила его в человеческом мире?

— Нет. В Первом Доме.

— Плохо, — тихо сказал Шустрик.

— Насколько? — спросил Антон.

— Я не знаю.

Мария стояла возле стола, всё ещё не касаясь футляра.

— Это коробка моей прабабушки.

Виолетта попыталась восстановить семейную цепочку.

— Матери Софии?

— Да. Эвелины.

Шустрик резко поднял голову.

— Эвелина Зултан?

— Ты знаешь?

— Слышал от старых хранителей путей. Она однажды закрыла дорогу, которую никто больше не мог закрыть.

— Какую? — спросил Антон.

Шустрик замялся.

— Не знаю. Это было до меня!

— Я ничего не сказала, — заметила Виолетта.

— Но подумала.

Она вернулась к футляру.

— А как он попал к тебе?

— От Эвелины к Софии, потом к Злате. Мама передала его мне.

Виолетта снова посмотрела на тёмную крышку. Футляр передавали в семье, а она до сегодняшнего дня ничего об этом не знала.

— Что было внутри?

Мария на секунду закрыла глаза.

— Обычно ничего. Я открывала его, но он всегда был пустым.

Шустрик нахмурился.

— Пустые магические коробки хуже полных.

— В этом даже есть логика, — согласился Антон.

— Почему ты его хранила? — спросила Виолетта.

— Семейная легенда говорила: он показывает содержимое, только когда оно нужно. Мне тоже казалось, что это очень удобно. Пока однажды там не появился лист бумаги.

Она посмотрела на дочь.

— В день, когда я узнала, что беременна тобой. На листе было одно слово: «Уходи».

Антон первым нарушил молчание.

— И вы ушли?

— Нет. Решила, что старая семейная магия реагирует на мой страх.

Виолетта вспомнила ладонь матери, сжимавшую её руку у двери. Тогда ей было почти пять.

— А потом пришлось уйти по-настоящему.

Мария кивнула.

— Ты взяла футляр с собой?

— Да. Но позже вернула Злате. Ещё до того, как ушла в Восьмой. С тех пор не видела.

Она снова посмотрела на ящик.

— Он должен был остаться у неё.

Виолетта взяла диск и вызвала Злату.

— В кабинете моей квартиры лежит деревянный футляр Эвелины.

Ответа долго не было.

— Повтори.

— Ты слышала.

— Не трогай его.

— Уже слышала.

— Виолетта.

В голосе Златы не осталось привычного раздражения. Виолетта выпрямилась.

— Ты знаешь, как он оказался здесь?

— Нет. Он у меня уже двадцать семь лет. Сегодня утром я его видела.

Виолетта посмотрела на Марию; та побледнела.

— Значит, предмет переместился самостоятельно, — сказал Антон.

— Он не умеет.

— Похоже, умеет, — тихо произнёс Шустрик.

— Не умничай.

— Я не...

— Злата, — перебила Виолетта. — Что ты знаешь об Эвелине?

— Не по связи.

Ответ пришёл так быстро, что она не сразу нашлась с новым вопросом.

— Если футляр активен, я не знаю, кто ещё может слышать, — добавила Злата.

Антон посмотрел на диск и отключил его. Виолетта осталась с чужой коробкой в собственном кабинете. Ещё утром она собиралась разбирать вещи Андрея.

— Хорошо. Мы его не открываем до Первого Дома.

Мария и Антон кивнули. Шустрик посмотрел на ящик.

— А если он откроется сам?

— Зачем ты это сказал?

— Я просто...

Раздался щелчок. Крышка медленно поднялась; никто её не касался. Внутри было только тёмное дерево.

Виолетта выдохнула.

— Прекрасно.

На внутренней стороне крышки проступила тонкая тёмно-синяя линия. Такого света она ещё не видела ни у Зултанов, ни у Фуллеров, ни в Восьмом узле. Мария отступила от стола, когда линия сложилась в первое слово:

МАРИЯ.

Затем появилась вторая строка:

ТЫ ВЕРНУЛАСЬ.

— Кто это? — спросила мать, сделав шаг к ящику.

Футляр ответил:

Я ЖДАЛА.

Шустрик прижал уши.

— Женский род, — тихо заметил Антон.

Виолетта кивнула. На крышке появились новые строки:

НЕ ПРИВОДИ СОВЕТ.

НЕ ПРИВОДИ ФУЛЛЕРОВ.

Виолетта невольно подумала о Джеки. Отец уже перестал быть для неё просто Фуллером.

— Кто ты? — повторила Мария.

Свет дрогнул.

ЭВЕЛИНА.

— Но она умерла? — спросила Виолетта.

— Задолго до моего рождения.

НЕТ.

Виолетта закрыла глаза.

— В этой семье вообще кто-нибудь нормально умирает?
— тихо произнёс Шустрик.

Мария рассмеялась — нервно, почти беспомощно. Виолетта обернулась к ней, но на крышке уже проступала новая строка:

ТРИ ДНЯ У ВАС НЕТ.

Улыбка исчезла с её лица. Антон подошёл ближе.

— Что это значит?

РАЗЛОМ УЖЕ ОТКРЫЛСЯ.

Футляр захлопнулся.

Виолетта смотрела на закрытую крышку. Через три дня её ждал Совет; в Вершине оставался Кассиус, рядом с ним — люди, готовые уничтожить её. Мария только вернулась. И теперь женщина, считавшаяся мёртвой задолго до её рождения, сообщала, что ждать нельзя.

— Нет, — сказала Виолетта.

Мать посмотрела на неё.

— Мы не побежим немедленно неизвестно куда только потому, что мёртвая родственница написала, что всё уже началось.

— Разумно, — согласился Антон.

Шустрик поднял лапу.

— Но проверить всё-таки надо.

— Проверим. После того как я подпишу бумаги.

Мария удивлённо перевела взгляд на папку. Виолетта забрала её из гостиной и вернулась за стол в кабинете.

— Сейчас?

— Да. Если каждый раз бросать свою жизнь, когда магия сообщает о конце мира, у меня скоро вообще не останется жизни, ради которой всё это стоит спасти.

Мать несколько секунд смотрела на дочь, затем улыбнулась. Антон отодвинулся от стола; Шустрик устроился на кресле и на этот раз ничего не сказал.

Виолетта открыла документы и взяла ручку. В ящике лежал футляр женщины, считавшейся мёртвой десятилетиями. Где-то уже существовал неизвестный Разлом. Но следующие десять минут принадлежали только ей.

Она подписала первую страницу, потом вторую. Только поставив подпись на последней, закрыла папку и подняла глаза.

— Теперь можно заниматься концом света.

Шустрик довольно спрыгнул с кресла.

— Только печенье в дорогу возьму.

Глава 2. Не верь карте

К Первому Дому они вернулись уже в сумерках. Футляр Виолетта несла сама: ей хотелось точно знать, где находится вещь, несколько часов назад представившаяся именем давно умершей родственницы.

Шустрик шёл впереди и время от времени оборачивался.

— Он шевелится?

— Нет.

— Светится? Шепчет?

— Нет.

— Тогда скучно.

— Ещё десять минут назад ты говорил, что он страшный.

— Страшный и скучный — не противоположности.

Антон тихо усмехнулся. Мария почти всю дорогу молчала. Иногда касалась пальцами края пальто, словно проверяла, что находится здесь, а не снова внутри Восьмого узла. Виолетта замечала эти движения, но не спрашивала. После появления имени Эвелины мать будто узнала историю, которую давно считала законченной.

Злата ждала на крыльце, опираясь на трость. Виолетта подняла футляр, не дожидаясь просьбы.

— Только не открывай, — сказала бабушка.

— Я и не собиралась. Почему мне никто не верит?

— Статистика, — прошептал Шустрик.

Виолетта бросила на него взгляд. Злата протянула руку, но остановилась в нескольких сантиметрах от крышки.

— Холодный? Тяжелее, чем должен быть?

— Нет. Был синий свет.

Злата закрыла глаза.

— Ты знаешь этот цвет, — сказала Мария.

Мать не ответила. Повернулась к двери и велела входить.

— Злата...

— Внутрь, Маша.

Даже Шустрик не стал шутить.

Олег сидел в гостиной перед ноутбуком. Увидев их, снял очки.

— Судя по лицам, развод прошёл плохо.

— С бумагами всё нормально, — ответила Виолетта.

— Тогда магия. Жаль.

Он закрыл ноутбук. Джеки вышел из соседней комнаты, посмотрел на Марию и вдруг остановился. Виолетта проследила за его взглядом: он узнал футляр.

— Я видел его у тебя, — сказал он Марии. — Один раз.

— Я тебе не показывала.

— Показывала. В ночь перед тем, как исчезла первая группа у Восточного перехода.

Злата резко повернулась.

— Почему ты видел футляр?

Джеки понял, что сказал лишнее, но Мария ждала ответа

вместе с матерью.

— Он открылся сам. Ты тогда почти не спала.

— Я не помню, — сказала Мария.

Виолетта положила футляр на стол.

— Что было написано?

Джеки посмотрел на Марию.

— «Не верь карте».

Она закрыла глаза.

— Господи. Восточный переход исчез через три дня.

— И опять три дня, — тихо заметил Шустрик.

Злата села. Сняла руку с трости, положила на край стола.

— Футляр не предсказывает. Он предупреждает, когда начало события уже нельзя предотвратить.

— Очень полезная семейная вещь, — сказала Виолетта.

— Не иронизируй.

Она уже собиралась ответить, но посмотрела на руку Златы: пальцы сжимали край стола. Виолетта села напротив.

— Тогда рассказывай.

— Эвелина была моей бабушкой.

— Ты почти никогда о ней не говорила, — заметила Мария.

— Она сама запретила.

В семье говорили, что Эвелина Зултан исчезла в сорок девять лет. Официально — умерла. По домашним рассказам — ушла в закрытый переход и не вернулась. Злата не стала

уверять, что знает, какая версия верна.

— До этого родилась София, моя мать, — сказала она. — А потом я.

— Значит, мне Эвелина — прапрабабка, — пересчитала Виолетта. — Наконец-то хоть поколение считается нормально.

Злата не оценила.

— Она была Хранительницей? Магарогом?

— Нет.

— Свободным носителем?

— Не совсем. Эвелина слышала Разломы.

Антон поднял голову.

— Разрывы?

— Нет. Именно Разломы.

Джеки отодвинул стул от стола.

— Фуллеры считали их мифом.

— Зултаны тоже, — сказала Злата. — Но один открылся при ней, за Северной границей.

Мария села рядом с Виолеттой. Шустрик тихо произнёс:

— Старое место. По рассказам хранителей, там однажды исчезла целая дорога.

— Если нарушится связь между координатами, теоретически... — начал Антон.

— Не превращай всё в схему.

Он замолчал. Злата посмотрела на футляр.

— Разрыв повреждает путь. Разлом меняет правило, по

которому путь вообще существует.

Виолетта нахмурилась, и Злата вздохнула.

— Если мост сломан — это разрыв. А если река перестала разделять два берега и стала вести в другое место — Разлом.

— Вот, — кивнул Шустрик.

— Ты понял?

— Я раньше знал.

— Конечно.

Олег уточнил, что речь идёт об изменении самой логики системы. Злата согласилась. Виолетта попробовала представить реку, ведущую куда-то вместо того, чтобы течь между берегами, и снова посмотрела на коробку.

— Что случилось с тем первым Разломом?

— Эвелина закрыла его и вернулась. Никто не знает как. После этого почти десять лет не старела, а потом за несколько месяцев состарилась сразу. Говорила, что Разлом забрал время.

Антон нахмурился.

— Физически невозможно...

— После Восьмого я бы не спешил со словом «невозможно», — заметил Джеки.

— Справедливо.

Виолетта невольно задержала взгляд на отце. Для него месяцы внутри Восьмого уже не совпадали со временем, прошедшим снаружи.

— Потом Эвелина начала исчезать, — продолжила Злата.

— Сначала на несколько минут, потом на часы. Стояла рядом — и вдруг её не было. Возвращалась в другом месте, а переходы её не регистрировали.

— Швы, — прошептал Шустрик.

— Возможно. Перед тем как не вернуться совсем, она отдала футляр Софии. Сказала: «Если он заговорит снова, значит, Разлом нашёл дорогу к семье».

— Почему к семье?

— Не знаю.

Виолетта хотела снова потребовать ответа. Злата ждала, не отводя взгляда, и она остановилась.

— Хорошо. Ты действительно не знаешь.

Мария едва заметно улыбнулась.

Футляр лежал неподвижно. Джеки подошёл к столу.

— Можно посмотреть структуру?

— Нет. Эвелина отдельно запрещала Стали касаться футляра.

Он убрал руку.

— Она знала Фуллеров?

— Элиаса. Они недолго работали вместе после первого Разлома.

Виолетта закрыла глаза.

— Конечно.

— Похоже, в вашей истории вообще нет людей, которые не были знакомы друг с другом, — тихо сказал Олег.

— Очень смешно, — отозвалась Злата.

Джеки уже не выглядел раздражённым.

— Зачем Элиас ей помогал?

— Она попросила.

Мария посмотрела на него. Он почти улыбнулся.

— Значит, не мы первые.

— Похоже.

Виолетте послышалось облегчение в голосе матери. Всё это время отношения Марии и Джеки были для семьи нарушением границы; теперь у них обнаружился хотя бы один предшественник.

Антон вернул разговор к Разлому.

— Что Элиас выяснил?

— Его нельзя закрыть силой. Только дать другой путь.

— Как Восьмому? — спросила Виолетта.

Злата покачала головой.

— Восьмой — часть сети. Разлом — нет.

Футляр снова щёлкнул и открылся без прикосновения. На крышке проступил тёмно-синий свет:

ЗЛАТА.

Бабушка отодвинула стул.

— Нет.

Виолетта узнала страх, который слышала в её голосе по связи. Злата больше не пыталась скрыть его раздражением.

ТЫ СЛИШКОМ ДОЛГО МОЛЧАЛА.

Мария посмотрела на мать, но та не ответила. На крышке появилась следующая строка:

СКАЖИ ИМ ПРО ДЕВЯТУЮ ДОРОГУ.

Шустрик издал тихий звук. Олег подался к столу.

— Узлов восемь.

— Это не узел, — прошептала Злата. — Маршрут за сеть.

Виолетта почувствовала, как исчезает усталость.

— Что значит «за сеть»? Ты обещала больше не скрывать.

— Я не обещала рассказывать всё сразу.

— Расскажи, — тихо сказала Мария.

Злата посмотрела на неё.

— Ты шла к Восьмому в том числе ради Девятой дороги.

Думала, что там найдёшь вход.

— Нет. Я не знала никакой Девятой...

Мария оборвала себя и прижала пальцы к виску. Виолетта наклонилась к ней, но мать не подняла взгляда.

— Был символ. Не восемь линий — девять.

Злата тяжело выдохнула.

— Почему я этого не помнила?

— Ты сама попросила убрать часть памяти.

Джеки резко повернулся к ней. Мария смотрела только на мать.

— Я попросила?

— Да. Боялась привести их туда.

Злата перевела взгляд на Джеки, затем на футляр.

— Фуллеров.

Он не обиделся.

— Кого конкретно?

— Тогда — Кассиуса.

Виолетта смотрела на мать. Поход к Восьмому, которым она объясняла долгую разлуку, теперь скрывал ещё и маршрут за сеть. Мария не просто потеряла часть знаний: по словам Златы, сама согласилась спрятать их от Кассиуса.

— Кто убрал память?

— Я. С помощью футляра.

Антон посмотрел внутрь. Там по-прежнему не было ничего, кроме синего света.

— Это не обычная коробка?

— Контейнер для дороги, — сказала Злата.

Он нахмурился. Шустрик осторожно подошёл к столу, но не коснулся дерева.

— Он хранит возможность пройти. Раньше спал; теперь чувствую. Внутри как будто очень далеко.

— Карманное пространство, — предположил Джеки.

— Нет. Выбор маршрута.

Злата смотрела на Виолетту. Та вспомнила, как в Вершине открывала возможность уйти вместо того, чтобы решать за тех, кто остался внутри.

Футляр откликнулся:

ОНА ПОНИМАЕТ.

Виолетта отодвинулась от стола.

— Мне это не нравится.

— Теперь ты понимаешь меня, — хмыкнул Шустрик.

— Где Девятая дорога? — спросила Виолетта.

Злата помолчала, затем поднялась.

— В первый раз её нашли возле Северной границы. Разлом открыл возможность, дорога появилась внутри. Эвелина не сказала, куда она ведёт. После возвращения считала, что никто не должен туда идти.

— Но мама искала.

— В футляре появилась новая запись: «Ребёнка можно спрятать только там, где сеть не видит».

Мария опустила взгляд. Виолетта ждала, пока она сама заговорит.

— Мы думали увести тебя за сеть. Но я не знала, смогу ли вернуть. Поэтому тогда выбрали человеческий мир.

— А к Восьмому ты ушла позже.

— Да, — ответила Злата. — И там искала вход в Девятую. Один выбор не уничтожил другую возможность.

Виолетта молчала. Ей было почти пять, когда мать вывела её в человеческий мир, и девять, когда исчезла сама. Между этими событиями теперь проступала история, которую Мария тоже знала не целиком.

За сетью Виолетта могла вырасти в месте, которого не видели ни Зултаны, ни Фуллеры. Она посмотрела на открытый футляр, пытаясь представить дом без координат.

— Теперь Разлом открылся снова. Футляр пришёл ко мне. Он хочет, чтобы мы нашли эту дорогу?

— Не обязательно. Может быть, предупреждает, чтобы не идти.

— Логично, — кивнул Шустрик.

Антон напомнил прежнюю запись.

— «Разлом уже открылся» — скорее сообщение о событии, чем приглашение.

Виолетта выдохнула. Бежать немедленно по-прежнему не требовалось.

— Тогда сначала выясняем, где он открылся.

— Без Совета, — сказала Злата. — И без Фуллеров.

Джеки поднял руку.

— Я формально Фуллер.

— Именно.

— Если это связано с тем, что я делала перед Восьмым, он имеет право знать, — возразила Мария.

— Эвелина запретила.

— Эвелина умерла...

Футляр вспыхнул:

НЕТ.

Мария замолчала.

— Очень неудобная родственница, — прошептал Шустрик.

Даже Злата почти улыбнулась. Джеки подошёл к Марии.

— Я могу остаться, если пойдёте. Правилу не верю, но

пока не понимаю риск.

— Никто сейчас никуда не идёт, — вмешалась Виолетта.
— Сначала проверим через узлы.

Антон покачал головой.

— Если Разлом вне сети, они могут не видеть.

— Тогда хотя бы выясним, где сеть перестаёт отвечать.

Джеки предложил Стальную систему для поиска аномалии. Злата сразу повернулась к нему.

— Я не собираюсь передавать данные в Вершину, — пояснил он. — Изолированная схема, локальный анализ. Здесь. Если позволите.

Она молчала. Мария посмотрела на неё, и Злата нехотя согласилась.

— Не привыкай.

Джеки уже раскладывал на столе модули. Деревянной коробки он не касался.

Олег развернул карты. Антон подключил серебряный контур, а Джеки собрал из трёх модулей изолированную схему. Злата следила за ним так внимательно, будто собиралась лично разобрать её, если та мигнёт не тем цветом.

Виолетта подошла к центральному дереву. Не подключалась к сети, только слушала узлы. Первый, второй, третий — все присутствовали. Восьмой чувствовался иначе, но тоже отвечал.

— На основных линиях всё нормально, — сказала она.

Антон сверился с картой. Олег показал Северную границу; Джеки проверил её участок. Сеть там работала.

— Значит, Разлом не там, — сказала Злата.

Шустрик поднял голову. Всё это время он сидел возле деревянного футляра.

— Вы ищете место. А если он не место? Если правило пути меняется между точками?

Антон снова наклонился к карте.

— Между любыми двумя?

— Возможно.

Олег уже собирался убрать карту, но Джеки остановил его. Вместо одной области вывел тысячи тонких линий: переходы, швы, служебные маршруты, старые дороги.

— Попробуем искать изменение длины. Если правило меняется, расстояние может стать нестабильным.

Запустили расчёт. Виолетта следила за линиями. Большинство оставались зелёными; на нескольких загорелись жёлтые отметки обычных сбоев. Потом одна стала синей — того же оттенка, что свет футляра.

Антон показал её начало. Первый Дом. Другой конец упирался в человеческую квартиру Виолетты.

— Поэтому он оказался там, — сказала она.

— Разлом на твоём маршруте, — прошептала Злата.

— Между двумя моими домами.

Мария коснулась её плеча. На карте синяя линия дрогнула и вывела третью точку. Система не смогла отнести её к

известному слою или показать координаты.

— Это невозможно, — сказал Антон.

Шустрик вздохнул.

— Мы сегодня уже проходили это слово.

Джеки увеличил изображение, но место не стало понятнее.

— Её нет в сети, — сказала Злата.

Виолетта смотрела на три соединённые точки. То, что они называли Девятой дорогой, вело за пределы знакомой карты.

Футляр вспыхнул. На крышке появились три слова:

ОНА СНОВА ОТКРЫТА.

Затем новая строка:

ЭВЕЛИНА ЖДЁТ.

— Где? — тихо спросила Мария.

ТАМ, ГДЕ ВЫБОР НЕ ОСТАВЛЯЕТ СЛЕДА.

Виолетта долго смотрела на эти слова.

— Ненавижу семейные загадки.

— А мне начинает нравиться, — сказал Шустрик. — Мы идём?

Она перевела взгляд на карту. Синяя линия продолжала светиться между Первым Домом, её квартирой и неизвестной точкой.

— Не сегодня. Мы только узнали, что Разлом существует. Не знаем, сколько он будет открыт, что находится за ним и действительно ли с нами говорит Эвелина.

— А если дорога закроется? — спросила Мария.

— Значит, закроется.

Мать удивилась.

— Ты готова упустить её?

— Если иначе придётся идти неподготовленной за сеть по приглашению женщины, которая считается мёртвой несколько поколений, то да.

Антон тихо сказал:

— Сильный прогресс.

— Не начинайте.

Виолетта ещё смотрела на неизвестную точку, когда футляр вспыхнул ярче.

ПРАВИЛЬНО.

Шустрик первым рассмеялся.

— Она тебя проверяла!

— Мне уже не нравится Эвелина.

ЭТО ВЗАИМНО.

Мария закрыла лицо руками и рассмеялась. Даже Злата не выдержала.

Виолетта осталась у карты. Синяя линия не исчезла от её отказа; футляр тоже продолжал светиться. Впервые за этот вечер она смогла смотреть на них, не собираясь немедленно действовать.

Глава 3. Два дома

Ночь прошла спокойно, и к утру Виолетта поймала себя на том, что ждёт нового сообщения. Но футляр лежал закрытым на столе в комнате Златы. Никакого синего света — обычная деревянная коробка.

Первый Дом тоже почти не двигался. Обычно по утрам скрипели половицы, менялся свет среди ветвей, Шустрик искал еду, Злата уже чем-то занималась. Виолетта рано спустилась на кухню и нашла там Марию перед нетронутой кружкой.

— Не спала?

— Немного поспала.

Виолетта налила себе кофе и села напротив. Несколько минут обе молчали.

— Я вспомнила ещё кое-что, — сказала Мария.

Виолетта оставила чашку на столе и дала ей продолжить.

— Перед Восьмым я действительно искала знак из девяти линий. Не помню, откуда о нём знала, но казалось, что он должен появиться рядом с узлом. Один раз увидела его на стене старого перехода. Вошла туда одна.

Виолетта посмотрела на мать.

— За дверью был обычный коридор, — продолжила та.

— Прошла метров двадцать, упёрлась в стену и вернулась. Теперь думаю: дорога просто не открылась для меня.

— А Восьмой должен был дать доступ дальше?

— Я так считала.

— Злата знала, что ты входила?

— Знала о поисках. Джеки я не рассказывала. Не доверяла ему настолько.

Мария провела пальцем по краю кружки. Виолетте было трудно слушать это после их недавнего возвращения, но она не стала спорить с тем, что мать чувствовала тогда.

— Больше всего я боялась Кассиуса. Он уже понимал, что есть что-то за пределами известных узлов. Однажды спросил: «Что вы будете делать, если найдёте место, где сеть не может вас увидеть?»

— И что ты ответила?

— Что такого места не существует.

— Он понял, что ты солгала?

— Наверное.

Виолетта усмехнулась.

— Опять.

Мария слабо улыбнулась.

— Теперь это слово преследует всех.

Злата появилась через несколько минут.

— Почему вы сидите с такими лицами?

— Доброе утро, — сказала Виолетта.

— Доброе. Почему с такими лицами?

Мария рассказала о коридоре. Злата выслушала молча.

— Я знала, что ты искала знак. Не знала, что входила.

— Почему я не рассказала?

— Уже скрывала от меня часть своих решений.

Мария сжала губы. Виолетта перевела взгляд с одной на другую.

— Очень здоровая семейная традиция.

— Не начинай.

— Я просто фиксирую.

— Фиксируй молча.

Виолетта улыбнулась, затем придвинула чашку.

— Сегодня проверим, открыта ли дорога, кто говорит от имени Эвелины и почему линия появилась именно между Домом и моей квартирой. Только после этого решим, идти ли.

В дверях сонно появился Шустрик.

— Я уже решил.

— Ты даже не слышал разговор.

— Всё слышал. У меня хороший слух.

Он забрался на стул.

— Я иду.

— Мы ещё не решили, что вообще кто-то идёт.

— Тогда, когда решите, я иду.

— Упрямый, — вздохнула Злата.

— Это у вас семейное.

— Ты не семья.

Шустрик замер.

— Нет?

Злата отвела взгляд. Подняла трость, которую собиралась поставить возле стола, затем всё-таки опустила её.

— Я не это имела в виду. Ты, к сожалению, давно семья. Он молчал ещё несколько секунд.

— Почему «к сожалению»?

— Потому что ешь за троих.

Шустрик улыбнулся и придвинул к себе тарелку. Виолетта запомнила, как он ждал ответа: на этот раз шуткой было не всё.

К десяти утра в гостиной собрались те, кому они решили доверить сведения: Мария, Злата, Антон, Джеки, Олег, Михаил и Шустрик. Совету и Конклаву пока ничего не передавали.

Павел пришёл последним и остановился, увидев футляр. Виолетта пересказала события в квартире, затем остальные дополнили её рассказ. Павел особенно внимательно слушал о Девятой дороге.

— Элиас упоминал девять маршрутов в старых записях.

Джеки резко повернулся к нему.

— И ты не говорил?

Павел посмотрел на Антона, потом на карту.

— Считал это метафорой.

— Вы все очень любите так объяснять то, что не понимаете, — заметила Виолетта.

— Справедливо.

Шустрик простонал.

— Опять.

Антон спросил, что именно было в записях. Павел ответил: восемь внутренних путей сети и один внешний. Страница была повреждена, конец маршрута не описан, но сохранилось пояснение: внешний путь нельзя считать частью сети, потому что она не умеет определить, где он заканчивается.

Олег усмехнулся при словах о повреждённой странице. Антон подошёл ближе к карте.

— Это совпадает с тем, что мы видели вчера.

Джеки предложил искать исчезновение потока в точке входа. Злата сразу напомнила:

— Без связи с Вершиной и передачи данных. Локально.

— Я понял.

— Повтори.

Он вздохнул.

— Никакой связи с Вершиной.

Мария посмотрела на обоих.

— Вы так теперь всегда?

— Да, — ответили они одновременно.

Виолетта невольно улыбнулась.

Михаил предложил начать с квартиры: проверить, не изменилось ли само пространство по обе стороны маршрута. Затем — сравнить время прохода.

— Обе точки могут быть нормальными, а путь между ними — уже нет, — объяснил он.

Антон хотел проверить последовательность событий, Олег — независимые наблюдения.

— Вы явно слишком долго со мной общаетесь, — сказала Виолетта.

— Это заразно.

Сначала прошли без неё. Михаил вошёл в квартиру и вернулся; переход занял обычные три секунды. Затем проверили Антон, Мария и Джеки. В комнате ничего не изменилось, внешнее время тоже.

Шустрик попытался проскочить без очереди, но Злата поймала его за хвост.

— Не ты.

— Это дискриминация по размеру.

— Именно.

Виолетта подошла к открытой двери.

— Теперь я.

Злата уже собиралась возразить. Виолетта показала на карту.

— Линия появилась на моём маршруте. Без меня мы не проверим, отличается ли он от ваших.

Чужие три секунды ничего ей не гарантировали. Мария осталась у двери; Виолетта посмотрела на неё и шагнула через порог.

Квартира появилась сразу. Виолетта обернулась: сквозь открытую дверь был виден Первый Дом, Мария стояла с другой стороны.

— Всё хорошо?

— Да.

Она вернулась. Антон отметил три секунды, а Шустрик возмущённо поднял лапы.

— Очень скучно.

— Подождите, — сказал Джеки.

Он смотрел на локальный анализатор. Антон подошёл к нему.

— Снаружи три секунды, — повторил он.

— А внутренний счётчик на обратном проходе показывает ноль целых семь десятых.

Джеки увеличил показание. Михаил сверился со своим замером.

— Маршрут стал короче?

— Возможно, срезал часть пространства, — сказал Павел.

— В сторону неизвестной точки?

— Возможно.

Шустрик вздохнул.

— Всё-таки интересно.

Виолетта ещё раз вышла в квартиру и вернулась. На этих двух проходах анализатор показал одну целую четыре и четыре целых две десятых секунды. Снаружи каждый по-прежнему занимал примерно три.

Олег записал все три внутренних результата рядом. Виолетта смотрела, как меняются цифры; первое расхождение ещё можно было принять за ошибку, теперь совпадало только внешнее время.

— Измерять можем, — сказал Антон. — Контролировать — нет.

Мария побледнела.

— Эвелина говорила, что Разлом забрал время. А если проход станет длиннее снаружи?

Никто не успел ответить: Джеки вывел рядом второй параметр. При каждом проходе появлялась слабая третья координата. Её отметка становилась сильнее.

— Мы открываем Девятую дорогу больше, — сказала Виолетта.

Злата опёрлась на трость.

— Всё. Больше не ходим.

На этот раз никто не спорил. Антон убрал руку от управляющего контура; Виолетта отошла от порога.

Через несколько минут открылся футляр:

ХВАТИТ.

— Она согласна со Златой, — рассмеялся Шустрик.

— Умная женщина, — отозвалась та.

Но вслед за первой строкой появилась другая:

ВЫ УЖЕ СДЕЛАЛИ ДОРОГУ ДОСТАТОЧНО ШИРОКОЙ.

Виолетта придвинулась к столу.

— Мы? Нашими переходами?

ДА.

Джеки отключил анализатор.

— Почему она сразу не предупредила? — спросила Мария.

ВЫ ДОЛЖНЫ БЫЛИ УВИДЕТЬ САМИ.

— Мне всё меньше нравится эта женщина.

ЗНАЮ.

Шустрик упал на спину от смеха. Михаил улыбнулся, но Антон продолжал смотреть на отключённую схему.

— Дорога достаточно широкая для чего? — спросила Виолетта.

ДЛЯ ВХОДА.

Злата подошла к футляру.

— Эвелина. Закрой дорогу.

Синий свет дрогнул.

НЕ МОГУ.

— Почему?

НЕ Я ОТКРЫЛА.

Виолетта смотрела на пустую коробку.

— Кто?

Ответ складывался медленно:

ТЫ.

— Я?

НЕОСОЗНАННО.

Антон спросил, когда это произошло. Футляр не ответил.

Виолетта перебирала события последних дней: Восьмой, возвращение, разделение связей, изменение сети.

— Когда мы изменили Восьмой?

ЧАСТИЧНО.

— Что ещё?

КОГДА ТЫ ВПЕРВЫЕ ВЫБРАЛА ДВА ДОМА.

Она не сразу поняла. Мария тихо сказала:

— Первый Дом и квартира.

— Два мира, — добавил Олег.

Джеки нахмурился.

— Но это просто психологический выбор.

— Для тебя, — ответил Шустрик.

Виолетта вспомнила утро после Вершины. Она так и не выбрала один дом; не отказалась ни от человеческого мира, ни от магического. Теперь на карте светились оба.

— Разлом возник потому, что я не выбрала одну сторону?

— Это не значит, что ты сделала неправильно, — резко сказала Злата.

НЕПРАВИЛЬНОГО ВЫБОРА НЕ БЫЛО.

Затем появилось пояснение:

НО СЕТЬ НЕ УМЕЕТ ДЕРЖАТЬ ДВА РАВНОЦЕННЫХ ДОМА ДЛЯ ОДНОГО НОСИТЕЛЯ.

— Почему? — спросил Антон.

ПОТОМУ ЧТО ЕЁ СОЗДАВАЛИ ТЕ, КТО ВСЕГДА ВЫБИРАЛ ОДНУ СТОРОНУ.

Виолетта посмотрела на мать и Джеки. От них тоже требовали выбрать между Зултанами и Фуллерами. Её собственное решение оказалось неудобным для устройства сети.

— Может быть, Девятая проявилась потому, что старая система не может вместить такую связь.

— Возможно, — сказал Антон.

Шустрик поднял голову.

— Не начинайте.

— Прости.

Мария посмотрела на футляр.

— Тогда Эвелина?

— Тоже жила между двумя мирами, — сказала Злата.

Виолетта повернулась к ней.

— Почему ты раньше не рассказала?

— Не считала важным. После первого Разлома она почти десять лет жила у людей. Возвращалась к Зултанам, затем снова уходила. Семья считала это странностью.

— Два дома, — произнёс Олег.

Виолетта снова посмотрела на карту. Похожая история могла помочь понять её маршрут, но не объясняла, кто сейчас пишет внутри коробки.

Антон первым заметил, что синяя точка на карте становится ярче.

— Мы больше не переходим, — сказала Виолетта.

— Похоже, после определённого порога дорога меняется

сама.

Злата потянулась к футляру.

— Тогда закрыть.

Она схватила его обеими руками. Синий свет пробежал по пальцам; Злата вскрикнула и отпустила коробку. Мария подбежала к ней.

На ладонях проступили тонкие линии — девять пересекающихся дорог. Злата смотрела на них с ужасом. На открытой крышке появился ответ:

ТЫ БОЛЬШЕ НЕ МОЖЕШЬ ЕЁ ЗАКРЫТЬ.

— Почему?

ТЫ ВЫБРАЛА ОДИН ДОМ.

Виолетта перевела взгляд с её рук на дерево за спиной. Злата могла уходить, но своим домом всегда считала это место.

— Тогда кто может? — спросила Мария.

ТЕ, У КОГО ИХ ДВА.

Все посмотрели на Виолетту. Она закрыла глаза.

— Разумеется.

Но появилась ещё одна строка:

НЕ ТОЛЬКО ТЫ.

На карте рядом с неизвестной точкой появилась новая отметка — далеко от Первого Дома и квартиры, в человеческом слое. Антон увеличил координаты. Олег прочёл адрес; Виолетта его не знала, но Мария побледнела.

— Я жила там ещё до того, как познакомилась с Джеки.

Он повернулся к ней.

— Дом с садом? Его давно нет.

— Он сгорел.

Футляр написал:

ДОМ ОСТАЛСЯ.

— Где? — спросила Виолетта.

ПО ДРУГУЮ СТОРОНУ.

— Вот теперь точно не скучно, — тихо сказал Шустрик.

Виолетта смотрела на новую отметку. Маршрут больше не связывал только два её дома: рядом появилось место из прошлого матери. В человеческом мире оно сгорело, а футляр утверждал, что где-то ещё сохранилось.

Там могла ждать Эвелина. Или кто-то, кому нужно было, чтобы они так думали.

— Сегодня не идём, — сказала Виолетта.

Шустрик простонал.

— Опять? Но теперь у нас адрес.

— Тем более. Можно сначала узнать, что там было.

Олег согласился искать документы, фотографии, сведения о пожаре и свидетелях. Михаил хотел проверить, не появился ли дом физически; Антон — аномалии вокруг координат. Джеки предложил наблюдение без входа.

Злата всё ещё рассматривала ладони.

— Ты действительно не пойдёшь сегодня? Даже если дорога закроется?

Виолетта повернулась к футляру.

— Эвелина, она закроется до завтра?

НЕТ.

— До послезавтра?

ВОЗМОЖНО.

— Вот теперь это слово и сюда пришло, — вздохнул Шустрик.

Виолетта улыбнулась.

— Значит, по её словам, у нас есть хотя бы ночь. Завтра разберёмся, кому дом принадлежал на самом деле.

Футляр добавил:

МАРИИ.

Мать застыла. Затем проступила вторая строка:

И НЕ ТОЛЬКО ЕЙ.

Джеки медленно поднял голову. На карте рядом с домом появилось имя:

КАССИУС ФУЛЛЕР.

— Вот этого я точно не знал, — сказал он.

Мария смотрела на два имени. Виолетта уже видела, как мать пугается или теряется, но сейчас та будто не могла оторваться от карты.

— Я тоже.

Глава 4. Старый кабинет

Утром Мария была уже одета. Не в домашнюю одежду Первого Дома и не в простые человеческие вещи, которые Виолетта дала ей после возвращения из Восьмого. Она стояла у окна в тёмных брюках и светлой рубашке, волосы собраны. На стуле лежало пальто.

— Даже не спрашиваю, куда ты собралась, — сказала Виолетта с порога.

— Хорошо.

— Пришла проверить, собираешься ли ты уйти без меня. Мария помолчала.

— Нет. Я хотела быть готова, когда ты скажешь «поехали».

— А если скажу «не едем»?

— Уберу пальто.

— Уже прогресс.

— Ты ужасно довольна собой.

— Немного.

Мария отвернулась к окну. Виолетта перестала улыбаться: мать выглядела так, будто всю ночь готовилась к этому разговору.

— Почти не спала? Из-за дома?

— Из-за Кассиуса.

— Ты правда ничего не помнишь?

— Нет... То есть дом помню очень хорошо. Но не его.

Виолетта попросила рассказать. Мария села, ещё некоторое время смотрела на пальто, затем начала:

— Маленький дом за городом. Совсем человеческий. Старый сад, веранда, две комнаты наверху. Я сняла его после конфликта с Советом.

— Какого?

— Одного из многих.

— Очень конкретно.

— Мне было двадцать два. Незадолго до знакомства с Джеки.

Она провела ладонью по колену.

— Впервые всерьёз попыталась выйти из-под контроля рода. Не в Первом Доме, не на территории узла — просто пожить отдельно.

— Злата отпустила?

Мария тихо рассмеялась.

— Нет.

— Теперь понятно, откуда у меня характер.

— Не только от меня.

— Это мы уже выяснили.

Мария улыбнулась, но взгляд остался напряжённым.

— Я прожила там почти год.

— Одна?

Ответ задержался.

— Мама.

— Не всё время. Иногда приезжали люди из проекта переходов. Джеки тоже был несколько раз.

— А Кассиус?

— Не помню.

— Ты уже знала его тогда?

Мария кивнула.

— Он был значительно старше. Если бы приехал ко мне, я бы запомнила.

— Значит, либо не приезжал, либо...

— Память изменена, — закончила Мария.

Виолетта не сразу спросила:

— Кто мог это сделать?

— Я. Возможно.

— Мама...

— Я не знаю!

Голос сорвался. Мария закрыла лицо руками, потом опустила их.

— Прости. Меня бесит, что я постоянно узнаю о себе от коробок, архивов и людей, которые помнят мою жизнь лучше меня.

Виолетта села рядом.

— Теперь я понимаю это чувство.

Мать посмотрела на неё. Обе улыбнулись — без веселья. Виолетта оставила вопросы о Кассиусе до завтрака; пальто пока лежало на стуле.

К завтраку собрались почти все. Олег принёс бумажные копии, которые успел получить в человеческом мире.

— Я нашёл дом.

Мария резко подняла голову.

— Где?

— Формально — нигде.

Шустрик, жуящий хлеб, удовлетворённо кивнул.

— Я говорил.

Олег положил на стол первую страницу: адрес существовал, дом принадлежал частному владельцу, потом сдавался. Двадцать восемь лет назад произошёл пожар.

— Двадцать восемь? — переспросила Виолетта.

Мария побледнела.

— Я уехала оттуда задолго до пожара. Не знала, когда именно он случился.

— Причина? — спросила Виолетта.

— Электропроводка.

Джеки взял документ.

— Официально.

— Поэтому я принёс ещё это.

Олег открыл вторую папку. Чёрно-белые и цветные снимки: дом до пожара, обгоревшие стены после. Мария взяла одну фотографию; руки дрогнули.

— Это он.

Виолетта заглянула ей через плечо. Светлый двухэтажный дом, сад, стол на веранде — место, которого она не знала,

хотя мать узнала сразу.

Мария указала на окно второго этажа.

— Моя комната. А здесь был кабинет.

— Твой?

— Нет.

Джеки поднял голову.

— Чей?

— Я...

Она замолчала, продолжая смотреть на боковую часть дома.

— Знаешь, что не твой, но не помнишь, кто им пользовался? — спросила Виолетта.

— Кажется, мужчина.

Джеки покачал головой.

— Не я. У меня там не было кабинета.

На соседнем стуле щёлкнул футляр. Крышка поднялась, и на ней проступили синие буквы:

НЕ ДЖЕКИ.

— Спасибо, — усмехнулся он.

Следующая строка назвала другого:

КАССИУС.

Мария побледнела.

— Нет.

ДА.

— Я бы помнила.

НЕТ.

Шустрик перестал жевать. Виолетта спросила, почему мать не помнит. Ответ задержался:

ТЫ ПОПРОСИЛА.

Мария закрыла глаза.

— Господи. Что именно?

ЗАБРАТЬ ЕГО ИЗ ПАМЯТИ.

Джеки резко встал.

— Кого?

Футляр молчал, пока Виолетта не уточнила:

— Кассиуса?

НЕ ТОЛЬКО.

— Это начинает становиться хуже, — тихо произнёс Олег.

— Уже, — сказала Злата.

Она всё утро молчала больше обычного. Виолетта попросила её объяснить.

— Если ты использовала футляр, то могла удалить не человека, а дорогу к воспоминанию, — сказала Злата Марии.

— Само воспоминание остаётся, только прийти к нему обычным путём больше нельзя.

— Как поле памяти «Фиалки», — заметил Павел.

Злата резко посмотрела на него.

— Отчасти.

Джеки тихо выругался.

— Если у него был кабинет в твоём доме, это не случайный визит.

Мария отвернулась. Виолетта видела, как тяжело ей слы-

шать это именно от него.

— Стоп. Мы не превращаем неизвестный кабинет в неизвестный роман, заговор или что угодно ещё.

Джеки кивнул, Мария выдохнула. Виолетта повернулась к футляру:

— Почему Кассиус был в доме?

РАЗЛОМ.

— Уже тогда?

ДА.

— Первый?

НЕТ.

Злата резко поднялась. Синий свет дрогнул, прежде чем появилось уточнение:

ВТОРОЙ.

— Эвелина закрыла первый, — сказала Виолетта. — А второй открылся при Марии?

ДА.

Мать с трудом перевела дыхание.

— Я ничего не помню.

ТАК БЫЛО НУЖНО.

— Кому? — спросила Виолетта.

После паузы появилось:

ТЕБЕ.

Мария закрыла глаза.

Олег продолжил раскладывать документы.

— Есть ещё странность. После пожара участок не продали. Через несколько месяцев его номер аннулировали как техническую ошибку. Основания в полученной копии нет.

— Очень удобно, — сказала Виолетта.

— Зато есть карты за год до пожара и через год после.

Он разложил их рядом. Все наклонились: на первой был участок, на второй его не было даже частью соседнего. Линия дороги проходила иначе, словно дома никогда не существовало.

Антон долго сравнивал обе карты.

— Отметка сместилась метров на двести.

— Земля сдвинулась?

— По двум листам этого не узнать. Но карты описывают разное пространство вокруг одной точки.

— Разлом, — тихо сказал Шустрик.

Джеки подошёл ближе.

— Если место выпало из сети, события вокруг могли согласоваться с новой географией. Люди забыли, документы переписали...

— Сами? — спросил Олег.

— Не бумага сама. Кто-то ведь составляет карты.

— То есть пока мы не знаем, — сказала Виолетта.

Антон кивнул.

— Возможно.

Она фыркнула, и он сразу добавил:

— Простите.

— Уже поздно.

Мария всё ещё держала фотографию.

— Я хочу туда. Сегодня.

Виолетта посмотрела на неё.

— Почему именно сейчас?

— Потому что это мой дом. Был моим. Возможно, всё ещё есть...

Она остановилась, не получив ответа, затем сказала тише:

— Боюсь, что опять потеряю возможность узнать.

— Ты стала ужасно разумной, — добавила Мария, пока Виолетта подбирала слова.

— Временно.

Шустрик хмыкнул. Мария снова посмотрела на снимок.

— И ещё потому, что там была я. Та, которую не помню.

Виолетта села ближе. Ей тоже хотелось увидеть комнату матери, но теперь рядом с ней был неизвестный кабинет.

— Хорошо. Это я понимаю.

— Значит, идём?

— Я сказала «хорошо», а не «идём».

— Невыносимая.

— Семейное.

Джеки тем временем изучал старые снимки. На одном задержался и позвал остальных. Летний сад; очень молодая Мария стоит у дерева, рядом с ней — человек со смазанным

лицом. Снимок не порван, фигура не вырезана, но разглядеть её не удавалось.

— Это кто? — спросила Виолетта.

Мария не знала. Джеки перевернул фотографию. На обороте было написано: «Перед первой попыткой».

— Какой попыткой? — спросил Антон.

На открытой крышке футляра появились буквы:

ПЕРЕЙТИ.

— Через Разлом?

ДА.

— Кто на фотографии?

Свет дрогнул.

КАССИУС.

Джеки медленно сел. Мария смотрела на смазанную фигуру.

— Почему его не видно?

ОН УЖЕ БЫЛ ЧАСТИЧНО ПО ТУ СТОРОНУ.

Если ответу можно верить, Кассиус переходил за сеть ещё до рождения Виолетты и до ухода Марии в Восьмой. Павел первым сказал:

— Тогда он знает Девятую дорогу.

НЕТ.

Он нахмурился, но надпись продолжилась:

ОН ЗНАЕТ, ЧТО ОНА СУЩЕСТВУЕТ.

НО НЕ ПОМНИТ, КУДА ВЕДЁТ.

— Я забрала память не только у себя, — тихо сказала Ма-

рия. — Мы сделали это вместе.

ДА.

Джеки встал.

— Ты и Кассиус?

ДА.

— Почему?

Ответ не появлялся долго. Мария не отрывала взгляда от крышки.

ПОТОМУ ЧТО ВЫ УВИДЕЛИ ОДНО И ТО ЖЕ.

— Что?

Синий свет стал почти чёрным.

КОНЕЦ ДОРОГИ.

Шустрик прижал уши. Виолетта почувствовала холод вдоль спины.

— Что было в конце? — спросила Виолетта.

НЕ МЕСТО.

— Тогда что?

БУДУЩЕЕ.

Олег первым нарушил молчание:

— Это метафора?

НЕТ.

Антон нахмурился.

— Девятая дорога ведёт во времени?

НЕТ.

— Тогда как можно увидеть будущее?

ПОСЛЕДСТВИЕ.

Виолетта задумалась.

— Показывает, к чему ведёт текущий выбор?

Футляр помолчал.

ИНОГДА.

— И что увидели Мария и Кассиус?

МИР БЕЗ РАЗЛОМОВ.

Мария выдохнула.

— Это же хорошо.

И БЕЗ ВЫБОРА.

Теперь никто не говорил. Виолетта посмотрела на мать, потом на фотографию. Система, которую Кассиус пытался построить в Вершине, не позволяла человеку выпасть из сети. На дне Восьмого Мария всё ещё удерживала путь, чтобы не отдать туда дочь.

— Возможно, отсюда у него такая уверенность, что полный контроль — единственный способ выжить, — сказала Виолетта.

— Он увидел стабильную сеть, — отозвался Джеки.

— А я видела то же самое, — сказала Мария.

— И вы решили забыть?

— Похоже.

— Очень взрослое решение.

Мария резко посмотрела на дочь.

— Я была в ужасе.

Виолетта уже открыла рот, но остановилась.

— Возможно, я не понимаю. Только забыть — не значит

отменить увиденное.

Футляр вспыхнул:

ДА.

— Поэтому Кассиус строил контроль, не помня исходной причины?

ДА.

— А Мария боялась отдавать ребёнка системе?

ДА.

Джеки тихо сказал:

— И оба думали, что это их собственные решения.

ОНИ И БЫЛИ ИХ СОБСТВЕННЫМИ.

Виолетта задержалась на этой строке. Одно увиденное, два разных поступка. Даже теперь Мария не могла объяснить, чего лишила себя, а Кассиуса здесь не было, чтобы спросить его.

— Значит, Девятая не показывает истину?

НЕТ.

— Только одно возможное последствие?

ДА.

Виолетта выдохнула. Это ещё не объясняло, что именно они увидели, но по крайней мере футляр не называл увиденное неизбежным.

Михаил, молчавший почти всё время, спросил:

— Что будет, если сейчас войдёт Виолетта?

Футляр не ответил.

— Не знаешь?

ЗНАЮ.

Михаил подождал. Синий свет сложился в новые слова:
ОНА УВИДИТ ДРУГОЕ.

— Что?

ЕЁ ВЫБОР ЕЩЁ НЕ СДЕЛАН.

— Я не собираюсь идти только ради возможного будущего, — сказала Виолетта.

ПРАВИЛЬНО.

— Прекрати меня оценивать.

НЕТ.

Шустрик захохотал. Виолетта вздохнула.

— Тогда зачем вообще открылась дорога?

ПОТОМУ ЧТО РАЗЛОМ РАСТЁТ.

— Почему?

ПОТОМУ ЧТО ДВА МИРА БОЛЬШЕ НЕ МОГУТ
ОСТАВАТЬСЯ РАЗДЕЛЁННЫМИ ТАК, КАК РАНЬШЕ.

Джеки нахмурился.

— Из-за изменения Восьмого?

ДА.

— Из-за Виолетты?

После паузы:

НЕ ТОЛЬКО.

— Из-за поля памяти?

ДА.

Антон посмотрел на карту.

— Связей между слоями стало больше. Дом и человеческий мир, Перекрёстки, Вершина, узлы...

— За последние недели контактов больше, чем раньше за годы, — сказал Павел.

Злата побледнела.

— Границы истончаются.

НЕТ.

Она подалась к крышке, дожидаясь пояснения.

ОНИ СТАНОВЯТСЯ НЕ НУЖНЫ.

В комнате стало тихо. Виолетта посмотрела на Марию, Джеки, Злату: разделение миров всегда казалось неизбежным, даже когда они сами жили между ними. Теперь неизвестный голос предлагал считать привычные границы ненужными.

— Это и есть Разлом? — спросила она.

ОДИН ИЗ.

— Разломов несколько?

ДА.

Злата тихо выругалась.

— Сколько?

СЕЙЧАС — ТРИ.

— Где остальные?

ОДИН У ВЕРШИНЫ.

Джеки побледнел. Павел резко поднялся.

— Кассиус.

Появилась вторая строка:

ОДИН В ЧЕЛОВЕЧЕСКОМ МИРЕ.

— Где? — спросила Виолетта.

Свет слабел. Она повторила вопрос.

ОН ЕЩЁ НЕ ВЫБРАЛ МЕСТО.

Антон нахмурился.

— Разлом может выбирать?

НЕТ.

— Тогда кто выбирает?

ЛЮДИ.

Крышка закрылась.

Джеки первым нарушил молчание. Достал серебряное устройство связи.

— Мне нужно предупредить Вершину.

— Нет Фуллеров, — резко сказала Злата.

— Если Разлом там, это уже не только семейная тайна.

Виолетта посмотрела на него.

— Предупреди. Только о возможной аномалии возле Вершины. Без Девятой дороги, Эвелины и истории Марии.

Джеки кивнул. Злата повернулась к внучке.

— Он начнёт искать. Может найти дорогу.

— Там живут люди, которые не должны стать ценой нашей секретности.

Злата долго смотрела на неё, затем согласилась. Джеки открыл закрытый канал; Виолетта подвинула семейные фотографии подальше от устройства.

Ответ пришёл через четыре минуты. Джеки прочёл его, побледнел и поднял экран. Две строки:

Я ЗНАЮ.

ОН УЖЕ ЗДЕСЬ.

Мария встала.

— Где?

Джеки отправил вопрос. Новое сообщение появилось почти сразу:

В МОЁМ СТАРОМ КАБИНЕТЕ.

Виолетта посмотрела на мать, но прежде, чем успела спросить, появилась следующая строка:

ИЗ НЕГО ВИДЕН ВАШ ДОМ.

— Какой? — спросила Мария.

Джеки уточнил. Ответ был коротким:

ТОТ, КОТОРЫЙ СГОРЕЛ.

Виолетта взяла старую фотографию. Дом с садом, комната Марии, кабинет, которым, по словам футляра, пользовался Кассиус. Их карта указывала на это место; теперь Кассиус сообщал, что видит его из Вершины. Само здание здесь никто ещё не видел.

— Они соединяются, — сказал Антон.

— Или пытаются, — уточнил Павел.

— Что произойдёт, если соединятся через дом?

Никто не ответил. Виолетта осторожно коснулась закрытой крышки.

— Эвелина.

Крышка поднялась. Она повторила вопрос, и синий свет сложился в короткую строку:

ОН ВЕРНЁТСЯ.

— Дом?

После паузы:

НЕТ.

Рядом Мария задержала дыхание.

— Кто?

Свет долго не складывался в буквы. А когда сложился, мать пошатнулась.

ТОТ, КТО ОСТАЛСЯ ВНУТРИ.

Глава 5. Третья ступень

После последних слов футляра никто не заговорил сразу. Синий свет ещё держался на внутренней стороне крышки, делая лица бледными, затем погас. Крышка опустилась.

Тот, кто остался внутри.

Виолетте хотелось немедленно получить ответ. Она уже собиралась задать следующий вопрос, но остановилась и посмотрела вокруг. За окнами начинался дождь; крупные капли ударяли по стеклу, ветви яблони качались под ветром. На столе лежали бумаги Олега, фотографии сгоревшего дома, схемы Джеки и чашки после завтрака.

Мария отошла к окну. Плечи неподвижны, пальцы одной руки сжимают другую. Джеки стоял в нескольких шагах, но не приближался. Почти три десятилетия разлуки не исчезли, когда мать вернулась из Восьмого: вместо ребёнка её встретила взрослая дочь, а теперь пришлось узнавать и о собственной забытой молодости.

Злата опустилась в кресло и положила ладони на набалдашник трости. Синие линии на коже почти исчезли, только одна полоска ещё тянулась от запястья к большому пальцу.

— Не открывай его снова.

— Я и не собиралась.

Никто не усмехнулся. Похоже, Виолетту наконец стали считать человеком, способным не трогать неизвестную ма-

гическую вещь. Признание пришло в неподходящий момент.

Она взяла снимок молодой Марии у дерева. Выгоревшие цвета всё ещё сохраняли солнечный свет на перилах веранды и небо в окнах. Рядом — смазанная фигура, которую футляр назвал Кассиусом. Если Мария и он вместе прошли дорогу и решили забыть увиденное, кто же не вернулся?

Они разошлись не сразу. Олег забрал часть документов для дальнейшего поиска; Павел с Антоном ушли проверять записи Элиаса, Михаил — внешний контур Дома. Футляр назвал три Разлома, но место человеческого ещё не было известно.

Джеки остался над аппаратурой. На экране застыла схема двух линий, сходящихся к одной точке. Он ничего больше не измерял. Мария поднялась к себе, и Виолетта удержалась от желания последовать за ней. Через несколько минут вышла на веранду.

Дождь усилился. Между деревьями виднелись серые полосы дальних склонов; воздух пах мокрой землёй, листвой и чем-то металлическим, как после грозы, хотя грозы не было.

Шустрик пришёл без комментариев. Сел рядом, обернул хвост вокруг лап и тоже стал смотреть на дождь.

— Ты знаешь, кто остался? — спросила Виолетта.

— Нет.

Она подождала. Обычно он охотно делился даже выводами, которых у него ещё не было.

— Хранители путей рассказывали про людей, которые не возвращаются с неправильных дорог, — наконец сказал Шустрик. — Я думал, сказки. Иногда человек терял дорогу назад. Иногда дорога теряла человека. А иногда он оставался специально.

— Зачем?

— Чтобы что-то не вышло следом.

Виолетта почувствовала холод в руках.

— Почему раньше не сказал?

— Не знал, что это про то же самое.

Она кивнула. Уже собиралась вернуться в дом, когда между деревьями изменился свет. Лес на мгновение стал глубже: между двумя стволами появилось несколько лишних метров там, где уже должен был начинаться склон. Ни арки, ни привычного шва.

Шустрик вскочил одновременно с Виолеттой. Пространство исчезло.

— Ты видел?

— Да.

— Разлом?

Он долго принюхивался.

— Не знаю.

Виолетта почти рассмеялась: ещё один ответ, на котором всё останавливалось.

— Пока не говори. Хочу посмотреть, повторится ли.

Шустрик возмущённо взглянул на неё, но остался рядом.

Следующие десять минут они видели только лес и дождь. Виолетта всё смотрела на два ствола; когда Михаил вернётся с осмотра контура, можно будет спросить, заметил ли он что-нибудь там.

Мария спустилась ближе к вечеру. Переоделась, распустила волосы, но выглядела уставшей. В гостиной была только Виолетта: Джеки ушёл в мастерскую, Злата спала, Шустрик куда-то исчез.

Мать взяла фотографию и села напротив.

— Я вспомнила запах.

— Дома?

— Сирень. Возле веранды рос огромный куст. Весной приходилось закрывать окна.

Она улыбнулась и на секунду стала похожа на девушку со снимка.

— А ещё скрипела лестница. Третья ступень снизу. Хотела попросить хозяина починить, потом привыкла наступать на край. В кухне была синяя плитка, старая, треснутая. Новых такого оттенка уже не продавали. А в саду стояла каменная скамья...

Мария замолчала. Виолетта не стала торопить её.

— На ней кто-то сидел, — сказала мать.

— Кассиус?

— Нет. Женщина. Не Эвелина.

Мария закрыла глаза. Некоторое время дышала ровно, за-

тем глубже.

— Молодая, светлые длинные волосы. Часто читала в саду.

— Жила с тобой?

— Кажется, да. Может быть, несколько месяцев.

В принесённых бумагах Виолетта не видела её имени. Спросила, как женщину звали, но Мария покачала головой.

— Не приходит.

— Не заставляй.

Мать открыла глаза и слабо улыбнулась.

— Теперь ты учишь меня обращаться с памятью.

— Практики за последние дни хватило.

Мария снова посмотрела на снимок.

— Она боялась Кассиуса. Когда он приезжал, уходила в сад.

— Он знал о ней?

— Конечно.

— А Джеки?

Мать помолчала.

— Похоже, нет.

Виолетта откинулась в кресле. Снова неизвестный человек, но теперь — женщина с книгой на скамье возле скрипучей лестницы. Не только кабинет и путь за сеть.

— Она была тебе близка?

Мария долго смотрела на фотографию.

— Да. Очень.

Глава 6. Сирень

Олег вернулся после семи. С ним пришёл мокрый и недовольный Михаил; позже появились Павел и Антон. В прихожей развесили куртки, Дом снова наполнился голосами. Проснувшаяся Злата приготовила настолько крепкий кофе, что Виолетта выбрала чай.

Олег положил новую папку и достал фотографию. Трое пожарных возле разрушенного дома; обугленные стены, провалившаяся крыша, чёрные окна.

— В отчёте погибших нет, дом официально считался пустым.

Мария смотрела на снимок.

— Но?

Олег перевернул его. На обороте стояла служебная пометка: «Повторный поиск. Возможен один человек внутри».

— Нашли? — спросила Мария.

— Нет.

— Кто сообщил?

Олег достал копию журнала. Пожарных вызвал Константин Арденович Фуллер.

Джеки, только что вошедший из мастерской, остановился. Прочитал бумагу дважды.

— Арден.

— Он уже работал с Кассиусом? — спросила Виолетта.

— Да. Но никогда не упоминал этот дом.

Павел подошёл к журналу.

— И Кассиус не говорил.

— Может быть, оба забыли, — сказала Мария.

— Арден тоже?

Никто не ответил. Олег положил снимок на стол. Виолетта посмотрела на пометку о человеке внутри. Даже его имя не было известно.

Футляр открылся сам. Синий свет разлился по столу и коснулся снимка. Обугленные стены исчезли: теперь фотография показывала летний сад. На каменной скамье сидела молодая светловолосая женщина с книгой на коленях.

Мария схватилась за край стола.

— Она.

Изображение было нечётким, но Виолетта различала лицо. Линия подбородка, глаза — что-то знакомое. Злата подошла ближе. Трость выскользнула из руки и ударилась о пол.

— Нет.

Мария поднялась, Виолетта повернулась к бабушке.

— Ты её знаешь?

Злата медленно села в кресло.

— Видела один раз. У Эвелины. Мне было девятнадцать.

— Выглядела так же?

— Точно так же.

На крышке появилось:

ТЕПЕРЬ ВСПОМНИЛА.

Злата посмотрела с ненавистью.

— Замолчи.

ТЫ ТОЖЕ ПРОСИЛА ЗАБЫТЬ.

Виолетта спросила имя. Злата закрыла глаза.

— Я не знаю.

ЗНАЕШЬ.

— Нет.

ЗНАЕШЬ.

— Хватит!

Стёкла едва задрожали, синие линии на руке вспыхнули.

Мария шагнула к Злате, но та подняла ладонь.

— Не надо.

Она тяжело дышала. Долго смотрела на женщину с книгой; губы дрогнули.

— Серафима.

ДА.

Где-то наверху хлопнула дверь. По стенам прошёл тихий скрип.

Шустрик выбежал из коридора с поднятой шерстью.

— Там кто-то есть. На втором этаже.

Дом затих. Сверху донёсся шаг, затем второй — медленный, осторожный, будто человек вспоминал, как ходят по настоящему полу. Джеки потянулся к устройству на запястье.

— Не надо, — прошептала Злата.

Шаги приблизились к лестнице, и Виолетта почувствовала сирень. Густой весенний запах посреди холодного дождя.

ливого вечера.

Мария побелела.

— Так пахло в том доме.

Пространство над верхними ступенями дрогнуло. Вместо коридора Первого Дома Виолетта на мгновение увидела чужую лестницу: светлые стены, деревянные перила, синюю плитку далеко внизу. Летний солнечный свет. На площадке стояла женщина с фотографии; волосы падали на плечи, на вид не больше тридцати. Она не казалась призраком — просто смотрела из другого дома.

— Серафима, — тихо сказала Мария.

Лицо женщины изменилось: неверие, затем облегчение. Она подошла ближе, граница задрожала.

— Не двигайтесь, — сказал Антон.

Серафима подняла руку, коснулась пространства с другой стороны. Губы двигались беззвучно, потом Разлом расширился и пропустил голос.

— Мария?

Мать Виолетты закрыла рот ладонью.

— Да.

Серафима заплакала. Лицо смялось, плечи дрогнули, ладонь осталась прижатой к границе.

— Ты вернулась.

Виолетта посмотрела на футляр: те же слова появились в нём после возвращения матери. Теперь синий свет погас.

Серафима смотрела на Марию.

— Сколько прошло?

— Дом сгорел почти тридцать лет назад, — ответила та. Женщина закрыла глаза. Когда открыла, в них был ужас.

— Здесь прошло три месяца.

Виолетта вспомнила рассказ об Эвелине, переставшей стареть. Значит, здесь тоже могло идти другое время. Она посмотрела на дождливое окно, затем на солнечную лестницу.

Серафима посмотрела на Злату, Джеки, Павла, Антона. На Виолетте задержалась надолго.

— Нет, — прошептала она.

Виолетта почувствовала холод. Серафима приблизилась к границе.

— Кто ты?

— Виолетта.

Женщина побледнела ещё сильнее.

— Виолетта кто?

— Зултан.

Серафима отшатнулась. Мария сделала шаг к лестнице.

— Серафима...

— Сколько ей?

Виолетта назвала возраст. Женщина закрыла глаза, затем посмотрела со страхом.

— Тогда вы опоздали.

Виолетта почти рассмеялась от узнаваемости: Эвелина тоже любила плохие новости без объяснений.

— С чем?

Серафима оглянулась. На дальней стене солнечного дома лежала высокая неподвижная тень. Она не принадлежала женщине.

— Не открывайте дорогу полностью.

— Почему?

— Я здесь не одна.

Шустрик прижал уши. Тень медленно переменила положение, и Серафима заговорила быстрее:

— Слушай. Дом не сохранился после пожара. Его сюда вытащили.

— Кто?

— Эвелина пыталась удержать Разлом закрытым. Кассиус — понять его. Мария — пройти. Все думали, Девятая ведёт наружу. Но это неправда.

— А куда?

Женщина снова оглянулась. Тень стала ближе.

— Не ведёт. Соединяет.

— Что с чем?

Серафима посмотрела прямо на Виолетту.

— Всё, что когда-либо было отделено.

Граница дрогнула. По стене Первого Дома пробежала синяя линия, затем ещё одна. Девять.

— Закройте!

Антон рванулся к контуру, Джеки отключил модули, Злата подняла руки. Виолетта смотрела на границу: сами они

ничего не открывали, и теперь не было понятно, что нужно закрывать.

Прежде чем изображение исчезло, Серафима успела крикнуть:

— Не позволяйте ему узнать, что Виолетта существует!

Разлом схлопнулся. Лестница снова принадлежала Первому Дому, запах сирени исчез. Остался дождь.

Мария стояла посреди гостиной. Виолетта смотрела на пустую площадку.

— Кому?

Ответа не было.

Далеко от Первого Дома, в старом кабинете Кассиуса внутри Вершины, поверхность Разлома изменилась. Несколько часов она показывала сгоревший дом. Теперь появилась женщина.

Виолетта.

Кассиус поднялся из кресла. Не успел приблизиться, когда за спиной прозвучал незнакомый голос:

— Так вот какая она.

Он резко обернулся. В кабинете никого не было. Голос пришёл с другой стороны Разлома.

— Наконец-то. Зултаны всё-таки сделали то, чего так боялась Эвелина.

Кассиус медленно подошёл к поверхности.

— Кто вы?

После нескольких секунд на ней появился отпечаток ладони, прижатой с другой стороны.

— Тот, кого она оставила здесь, чтобы ваш мир мог продолжать считать себя целым.

Глава 7. Синяя дверь

Когда Виолетта снова посмотрела на лестницу, на верхней площадке стояла дверь. Старая синяя краска потемнела, возле ручки были царапины, нижний край разбух от влаги. После солнечного окна с Серафимой эта обыкновенная дверь пугала сильнее искажённого света.

Никто к ней не приблизился. За окнами продолжался дождь.

Из-за двери донёсся мужской голос:

— Это уже не Серафима.

Мария не отрывала взгляда от площадки, но лицо изменилось.

— Ты знаешь голос, — сказала Виолетта.

Мать не ответила. Джеки повернулся к ней.

— Маша?

Она вздрогнула.

— Не уверена. Почти узнала.

Виолетта не стала давить. Голос больше не повторял предупреждение.

Антон поднялся на несколько ступеней, остановился далеко от площадки. Серебряный диск оставался тёмным.

— Обычной активности перехода нет.

Джеки посмотрел на Арк-Тех.

— Изменение пространства есть, но система считает

дверь частью Первого Дома. По одним данным решил бы, что она всегда здесь стояла.

Шустрик сидел внизу лестницы.

— Неправильно пахнет.

— Дымом?

— Уже нет.

Он сморщил морду, нервно переступил лапами.

— Многими людьми. Много разных запахов, но все в одном месте.

— Никто не касается ручки, — сказала Злата.

Спорить не стали.

Через несколько минут дверь исчезла. Виолетта моргнула — на площадке снова были стена, обои, картина, полка. Ни вспышки, ни звука.

Мария первой двинулась вверх.

— Подожди, — сказал Джеки.

Она остановилась. Антон поднялся вместо неё, проверил стену и пол.

— Чисто.

Тогда Мария подошла, провела пальцами по обоям.

— Если дверь стояла так, за ней должна быть кухня того дома. Сначала маленький коридор, справа кухня, дальше веранда. Комната Серафимы была наверху.

Виолетта поднялась следом.

— А голос?

— Не оттуда. Не знаю, откуда именно.

Джеки подошёл последним и несколько секунд смотрел на место двери.

— Ты почти узнала его. Это Кассиус?

Мария покачала головой.

— Нет.

— Арден?

— Тоже нет. Имя не помню. Помню... ощущение рядом с ним.

— Это хуже, — недовольно сказал Шустрик снизу.

Никто не возразил.

Исследовать ночью больше не стали. Виолетта предложила остановиться, и Злата посмотрела на неё с таким удивлением, что та не удержалась:

— Можно перестать ждать, когда я полезу первой?

— Я ничего не сказала.

— У тебя выразительное молчание.

— Возраст.

— Характер.

Злата почти улыбнулась.

— Иди спать.

Виолетта опустила крышку футляра и поднялась к себе. Она действительно устала. Встреча с Серафимой произошла вечером, но уже казалась давней.

Первый Дом постепенно затих. Внизу ещё разговаривали

Джеки и Антон, по коридору прошёл Михаил, затем хлопнула дверь Олега. Мария осталась со Златой.

Лёжа в постели, Виолетта снова видела лицо женщины на солнечной лестнице. Три месяца там — почти тридцать лет после пожара здесь. Виолетта успела вырасти, выйти замуж, расстаться с мужем, найти мать. А Серафима всё ещё стояла у той границы.

Если это была Серафима.

И кто предупреждал их за синей дверью?

Она проснулась среди ночи. Комната была тёмной, в щель между шторами проникал слабый свет. Дождь закончился. На часах — 03:17.

Три далёких удара.

Тук. Тук. Тук.

Виолетта села, прислушалась. Звук не повторился. Она накинула халат и вышла. Пустой коридор осветился мягким жёлтым светом: Дом иногда включал его в ответ на движение.

— Шустрик?

Тишина. Виолетта прошла несколько шагов, и стук повторился слева. Из комнаты Марии.

Она подошла и тихо постучала.

— Мама?

Ответа не было. Виолетта открыла дверь: кровать пуста, окно закрыто, одежда на кресле, телефон на тумбочке.

— Я здесь, — раздалось за спиной.

Она резко обернулась. Мария стояла в коридоре босая, в ночной рубашке.

— Господи. Где ты была?

— Прости. Там.

Мать посмотрела в конец коридора.

— Где?

— Не знаю. Я проснулась и услышала Серафиму. Она звала.

— И ты пошла? Мама!

— Я не поняла, что делаю.

Это остановило Виолетту. Мария посмотрела на босые ноги, словно только заметила их.

— Просто шла по коридору. Сначала здесь.

— А потом?

Мать подняла глаза.

— Потом коридор стал другим.

Через пять минут в гостиной собрались остальные. Сердитая, взъерошенная Злата, Антон, Павел, Джеки, Михаил; последним пришёл Олег, натягивая свитер на ходу. Шустрик устроился рядом с креслом Марии. Виолетта принесла воду, укутала мать пледом и попросила рассказать с начала.

— Серафима звала по имени. Тогда была уверена, что она. Сейчас — нет. Вышла и пошла за голосом. Свет сначала обычный, потом летний. На стенах появились обои с ма-

ленькими зелёными листьями. Такие были в том доме.

Джеки стоял у камина, не перебивал. Злата спросила, поняла ли Мария, что переходит.

— Нет. Всё происходило постепенно. Без двери, без границы. Первый Дом становился тем домом.

— Слияние пространств, — сказал Антон.

— Не говори так, будто название объясняет, — буркнула Злата.

Он кивнул.

— Справедливо.

— Я даже не буду, — сонно пробормотал Шустрик.

Виолетта спросила, как далеко мать зашла. До кухни: синяя плитка, старый стол, чайник, её чашка у раковины. Мария сжала плед.

— Серафимы там не было. Голос шёл из сада. Я почти вышла.

— Что остановило?

Мария посмотрела на Джеки.

— Ты.

Он нахмурился.

— Я спал.

— Знаю. Но там был ты. Молодой, как тогда.

Джеки побледнел и медленно сел.

— Что я делал?

— Стоял у двери в сад. Сказал: «Если выйдешь, обратно не вернёшься».

Виолетта спросила, тот ли это голос, который предупреждал за синей дверью. Мария покачала головой.

— Нет. Теперь уверена.

— А мой был настоящим? — спросил Джеки.

— Не знаю. Я остановилась. Тогда увидела за стеклом Серафиму, в саду. Она не звала. Кричала, чтобы я не выходила.

Злата резко встала.

— Значит, сначала использовали голос Серафимы, потом образ Джеки.

Джеки нахмурился.

— Память.

— То, чему человек доверяет, — сказал Антон.

Виолетта посмотрела на мать.

— Только мы не знаем, кто звал, а кто пытался остановить. Джеки предупредил её. Серафима тоже.

Злата сжала губы, но спорить не стала.

— Всё равно с каждым из нас так можно, — сказала Виолетта.

— Совсем не нравится, — сразу отозвался Шустрик.

— Наконец-то мы согласны.

— Мы часто согласны. Ты редко признаёшь.

— Не сейчас, — оборвала Злата.

Мария продолжила:

— Когда увидела Серафиму, всё начало исчезать. Сначала не слышала, что она кричит. Потом различила одно слово:

«Проснись».

— И ты проснулась?

— Нет.

Мария посмотрела на руки.

— Поняла, что уже не сплю.

Михаил присел перед креслом.

— Подождите.

На правой пятке Марии была тёмная земля. Полы в Доме чистые. Мать посмотрела на след.

— Сад.

Виолетта принесла салфетку и осторожно собрала немного земли. Антон предложил проверить состав.

— Сейчас, — сказала она.

Он ушёл к приборам. Остальные ждали. Через десять минут вернулся и положил результаты.

— Земля обычная. Много извести, примесь старой угольной пыли.

— После пожара? — спросил Олег.

— Возможно.

На этот раз Виолетта не возразила. Антон показал ещё и маленький зелёный фрагмент.

— Лист сирени.

Мария закрыла глаза.

До утра больше не расходились. На диванах появились

пледы, на столе — чашки, карты и приборы. Камин разожгли снова. Около пяти Мария задремала в кресле; Джеки осторожно накрыл её пледом.

Виолетта сидела у окна. На востоке между деревьями светлела серая полоса. Злата подошла и села рядом.

— Ты боишься?

Виолетта подумала.

— Да.

Бабушка удивлённо посмотрела.

— Раньше ты бы сказала «нет».

— Раньше думала, что страх мешает.

— А сейчас?

Виолетта посмотрела на спящую мать.

— Он иногда показывает, где для тебя что-то важно.

— Умнеешь.

— Не порть момент.

Помолчав, она спросила о Серафиме. Не об имени — почему Злата видела её молодой у Эвелины, а потом Мария встретила такой же.

— Эвелина называла её Девочкой с дороги, — ответила Злата. — Тогда решила, прозвище. Сейчас не уверена.

Виолетта посмотрела на бабушкины руки.

— Если внутри три месяца, а снаружи почти тридцать лет... Что, если между твоей встречей и маминой для неё тоже прошло гораздо меньше времени? Она могла входить и выходить задолго до пожара.

Злата побледнела.

— Эвелина её знала.

— Значит, могла привести в тот дом?

Бабушка закрыла глаза.

В этот момент футляр открылся сам. Синий свет разбудил задремавших; Мария вздрогнула, Джеки поднялся.

НАКОНЕЦ.

— Не начинай, — вздохнула Виолетта.

СЕРАФИМА БЫЛА ПЕРВОЙ.

— Первой кем?

КТО ВЕРНУЛСЯ.

— Откуда?

С ДРУГОЙ СТОРОНЫ ДЕВЯТОЙ ДОРОГИ.

Антон подошёл ближе.

— Эвелина нашла её там?

ДА.

— Когда?

ВО ВРЕМЯ ПЕРВОГО РАЗЛОМА.

Злата сжала подлокотник. Виолетта спросила, сколько Се-
рафиме было тогда.

ДВАДЦАТЬ ВОСЕМЬ.

— Примерно на столько выглядела и у меня, — сказала
Мария.

— А между первым Разломом Эвелины и тем домом?

— Почти семьдесят лет, — тихо ответила Злата.

Шустрик перестал жевать неизвестно откуда добытое пе-

чение.

— Ой.

Никто не сделал замечания. Виолетта смотрела на цифры: если Серафима действительно прожила между двумя эпохами, какая часть её жизни прошла здесь, а какая — по другую сторону?

— Тогда кто она? — спросил Джеки.

ЧЕЛОВЕК.

— Просто человек?

ДА.

Виолетта выдохнула.

— Почему Эвелина её вывела?

ПОТОМУ ЧТО СЕРАФИМА ПОПРОСИЛА.

— И всё?

ЭТОГО ДОСТАТОЧНО.

Она улыбнулась, перечитывая последние слова.

Но следом появилась новая строка:

ВТОРОГО ВЫВОДИТЬ БЫЛО НЕЛЬЗЯ.

Улыбка исчезла.

— Того, кто сейчас внутри?

ДА.

— Почему?

Ответ задержался.

ОН НЕ ПРОСИЛ ВЫЙТИ.

— Тогда чего хотел?

Синий свет потемнел.

ЧТОБЫ ВОШЛИ ОСТАЛЬНЫЕ.

Первый Дом скрипнул. Виолетта повернулась к коридору одновременно с Шустриком.

— Опять?

Он прижал уши.

— Дом стал больше.

Михаил первым вышел из гостиной. Виолетта взяла открытый футляр и пошла следом за остальными.

До поворота коридор был обычным. Там, где всегда стояла стена, продолжался длинный солнечный проход. На старых обоях — зелёные листья.

Мария тихо вдохнула.

— Тот коридор.

В конце стоял мужчина, слишком далеко, чтобы различить лицо. Поднял руку, указал на Виолетту.

Синий свет футляра вспыхнул. Она взглянула на крышку:
ОН УЗНАЛ ТЕБЯ.

Мужчина сделал первый шаг.

Первый Дом ответил глубоким скрипом, похожим на предупреждение.

Глава 8. Человек в конце коридора

Мужчина не спешил. Если бы он бежал, кричал или пытался прорваться, Виолетта хотя бы понимала, на что отвечать. Но он шёл спокойно, а солнце за его спиной освещало старые обои и деревянный пол, словно там продолжалось обыкновенное летнее утро.

Первый Дом отвечал на каждый шаг: под ногами твердели доски, потрескивали перила, в глубине здания одна за другой закрывались двери. Шустрик отступил. Злата подняла руку.

— Всем назад.

Подчинились сразу, даже Мария. Виолетта отступала, не отводя взгляда. Теперь различались тёмные брюки, светлая рубашка с закатанными рукавами. Мужчина мог только что встать из-за стола и выйти в коридор.

А вот лица не было видно. Свет падал правильно, руки и одежда оставались чёткими, но черты теряли резкость — как лицо Кассиуса на фотографии.

— Не приближайся, — громко сказала Злата.

Мужчина остановился метрах в десяти от границы Первого Дома. Несколько секунд молчал, затем спросил:

— Злата?

Она побледнела. Виолетта узнала голос, который вечером прозвучал за синей дверью. Сейчас в нём слышалось удив-

ление.

— Ты меня знаешь? — спросила Злата.

— Теперь знаю.

— Что значит «теперь»?

Он повернулся к Виолетте. Лицо оставалось размытым, но ей казалось, что смотрит прямо в глаза.

— А ты задаёшь правильные вопросы.

— Мне уже говорили.

— Эвелина?

— Иногда.

Мужчина тихо рассмеялся. Смех и усталость в голосе были человеческими; от этого легче не стало.

Мария шагнула вперёд. Джеки протянул руку, но не коснулся её: она сама остановилась.

— Кто ты?

Мужчина долго смотрел на неё.

— Ты всё ещё не помнишь.

— Нет.

— Хорошо. Значит, хотя бы это сработало.

Мария вздрогнула.

— Что сработало?

— То, что мы сделали.

Джеки напрягся.

— Вы знали друг друга?

— Джек Фуллер, — произнёс мужчина.

Джеки застыл: так его почти никто здесь не называл.

— Откуда вы знаете меня?

— Видел тебя в доме. Через окно. Ты меня не видел.

— Я бы запомнил...

— Кабинет, — прошептала Мария, закрывая глаза. — Ты был там. Вместе с Кассиусом?

— Иногда.

Она сделала ещё полшага.

— Как тебя зовут?

Солнечный коридор за его спиной дрогнул. На мгновение возникла другая комната: стол, открытая книга, высокое окно, полоска сада. Потом снова появились прежние стены.

— Это уже неважно.

— Для меня важно.

— Поэтому тебе и нельзя вспоминать всё сразу.

Мария выпрямилась.

— Не тебе решать. Как тебя зовут?

Он помолчал.

— Леон.

Злата резко вдохнула. Виолетта повернулась к ней, но та смотрела только на мужчину.

— Леон Вейр?

В размытой фигуре начали проступать тёмные волосы, высокие скулы, глубокие тени возле глаз.

— Когда-то, — ответил он.

Злата опустила руку, всё ещё готовая остановить его.

— Ты умер. Я видела запись.

Леон улыбнулся.

— Здесь это говорят обо всех, кто достаточно долго не возвращается. Записи часто удобнее людей.

— Эвелина сказала, что ты погиб.

Улыбка исчезла. Он посмотрел в сторону, за стену чужого коридора.

— Она сказала, что не сможет меня вернуть.

— Это другое.

— Для вас — нет.

Виолетта спросила, сколько времени прошло для него с тех пор, как он оказался там. Леон задумался.

— Не знаю. Несколько лет.

Мария побледнела.

— Серафима сказала, для неё прошло три месяца.

— У нас время идёт не одинаково. Здесь нет одного времени.

Антон открыл рот, но Виолетта опередила его:

— Не надо пока.

Он кивнул. Шустрик тихо сказал:

— Я начинаю любить тебя ещё больше.

— Спасибо.

— Это был комплимент.

— Я поняла.

Леон посмотрел на Шустрика и замер.

— Ты. Подойди.

Шустрик мгновенно перестал выглядеть довольным.

— Нет.

— Правильно.

— Странный человек, — проворчал Шустрик.

Леон улыбнулся.

— Очень.

Виолетта следила за ним. Футляр сказал, что второго нельзя было выводить: он хотел впустить остальных. Этот мужчина остановился по требованию Златы и одобрил отказ Шустрика. Вечером его голос предупреждал о Серафиме. Достаточно ли этого, чтобы поверить ему?

— Ты тот второй?

Леон перестал улыбаться.

— Какой второй?

— Серафима была первой, кто вернулся. Эвелина сказала, что второго выводить было нельзя.

Он долго молчал.

— Она сказала именно так?

— Да.

— Тогда нет.

Злата напряглась рядом. Виолетта спросила, кто это и знает ли Эвелина его имя. Леон посмотрел за плечо.

— Я не знаю имени. Эвелина, возможно, знала. Серафима

— нет.

— А Кассиус?

Он усмехнулся без веселья.

— Кассиус слишком долго считал, что знает.

— Что это значит?

— Именно то, что ты подумала.

Виолетта раздражённо выдохнула.

— Я ненавижу людей, которые разговаривают загадками.

— Я заметил.

— Тогда говори нормально.

Леон рассмеялся по-настоящему. Злата вдруг закрыла глаза.

— Господи. Вспомнила. Ты всегда так разговаривал.

— К сожалению.

— Эвелина хотела тебя придушить.

— Несколько раз.

— Я тоже.

— Помню.

Виолетта увидела в бабушке раздражённую юную девушку. Лицо Златы смягчилось; теперь она словно ждала следующей колкости, чтобы ответить своей.

— Кто ты был для Эвелины?

— Исследователь, — ответила Злата.

— Фуллер? Зултан?

— Нет. Человек, который совершенно не умел держаться подальше от вещей, которые его не касались.

Леон кивнул.

— Очень точное описание.

Виолетта посмотрела на него.

— Значит, просто человек?

— Когда-то.

Вот это «когда-то» ей не понравилось.

Коридор дрогнул, свет стал слабее. Вдали послышался тихий звук: словно по деревянному полу тащили тяжёлый предмет. Серафима не появилась. Леон обернулся, и вся ирония исчезла с его лица.

— Закрывайте связь.

— Мы её не открывали, — сказал Антон, глядя на приборы. — Как закрыть?

— Уходите от коридора. Дом сделает сам, если перестанете удерживать его вниманием.

Виолетта нахмурилась.

— Мы удерживаем?

— Ты. Смотришь. Для Девятой дороги внимание тоже выбор.

Она отвернулась.

— Всем не смотреть.

— В гостиную, — сразу сказала Злата.

Отступать, не следя за опасностью, было мучительно. Виолетта держала футляр перед собой и смотрела в него, чтобы не обернуться. Мария шла рядом, Джеки — с другой стороны. За спиной потрескивал коридор.

— Мария! — крикнул Леон. — Не поворачивайся. Серафима жива.

Она остановилась, закрыла глаза.

— Я знаю.

— Ты должна услышать другое. Ты не оставила её там. Она осталась сама.

У матери сорвалось дыхание.

— Почему?

— Чтобы закрыть дверь после тебя.

Мария заплакала, но не повернулась. Сквозь усиливающийся шум донеслось:

— И ещё. Не верь тому, что покажет тебе сад.

— Почему?

— Потому что он знает, чего ты хочешь вернуть!

Последние слова растворились в скрипе. Потом всё стихло. Виолетта обернулась — проход исчез. Там снова была стена Первого Дома.

В гостиной Виолетта поставила футляр на стол и закрыла крышку. Мария села возле камина, Джеки — рядом, оставив между ними немного места. Через несколько минут она сама придвинулась, коснулась плечом его руки. Он не пошевелился.

Виолетта ушла на кухню. Олег уже ставил чайник.

— Кофе?

— Нет.

— Чай?

— Да.

— Сильный прогресс.

— Все сегодня решили оценивать моё развитие?

— Я просто спросил про чай.

— Ты сказал «прогресс».

— Ошибка.

Он достал чашки. От этой обыкновенной возни стало немного легче.

— Ты слышал имя Леон Вейр?

Олег покачал головой.

— Найдёшь? Не только магические архивы. Человеческие тоже. И Серафиму посмотри глубже.

— Попробую. Что именно ищем?

— Где жили, где учились, с кем общались. Что любили. Всё обычное.

Он налил воду и вопросительно посмотрел на неё.

— Пока мы знаем о них только «исследователь», «носитель», «свидетель», — сказала Виолетта. — А сад обещает человеку то, что он хочет вернуть. Нужно понять, что было у этих людей до Разлома.

Олег медленно улыбнулся.

— Хорошая мысль.

— Спасибо.

— Это тоже оценка?

— Нет.

— Тогда принимается.

Позже тем же утром пришёл ответ Кассиуса. Виолетта вернулась в гостиную и включила серебряную связь. Рядом сели Джеки, Злата и Мария; Шустрик устроился у её ног.

Кассиус выглядел уставшим. За спиной был кабинет, но тёмной поверхности Разлома Виолетта не увидела.

— Исчез?

— Двадцать минут назад.

— Кто говорил?

— Не знаю. Спросил, существует ли Виолетта Зултан.

Мария напряглась.

— И что ты ответил?

— Ничего.

Виолетта удивлённо посмотрела на него.

— Я не привык сообщать информацию неизвестным существам из пространственных аномалий, — пояснил Кассиус.

— Разумно, — сказал Шустрик сбоку.

— Это Шустрик?

— Да.

— Конечно.

На несколько секунд почти вернулась прежняя реальность. Затем Кассиус снова стал серьёзным.

— Но он знал, что ты связана с двумя домами. Что Мария вернулась и не помнит его.

Мать побледнела.

— Кого? Как он выглядел?

— Не назвал имя. Я его не видел.

— Ты узнал голос?

Кассиус долго молчал.

— Да. Но не могу вспомнить, чей.

Виолетта закрыла глаза: опять знакомое ощущение пустоты, к которой не удавалось подступиться.

— Не пытайся силой. Мы уже видели, что происходит, когда слишком долго смотрим в Разлом.

Она рассказала о коридоре, предупреждении и словах о Серафиме. Кассиус слушал молча, только при имени Леона его лицо едва заметно изменилось.

— Ты отреагировал. Что-нибудь помнишь?

— Нет.

— Кассиус... Ладно. Не надо. Я не прошу вспоминать сейчас.

Он замолчал, затем неожиданно сказал:

— Спасибо.

Злата посмотрела так, будто слышала от него признание в любви. Виолетта тоже удивилась.

— За что?

— За то, что впервые не пытаешься вытащить из меня ответ.

— Я учусь.

— Вижу.

— Опять оценка, — прошептал Шустрик.
Виолетта махнула рукой.

Они почти закончили разговор, когда Кассиус замолчал.
Его взгляд сдвинулся за плечо Виолетты.

— Что? Кассиус?

— Не оборачивайся.

По спине прошёл холод. Мария и Джеки встали и замерли рядом.

— Что ты видишь?

— Дверь.

— Синюю?

— Белую. Открыта.

Виолетта смотрела только на его лицо.

— Что за ней?

— Твоя квартира.

Она едва сдержала желание обернуться.

— Что там?

Он не отвечал.

— Кассиус.

— Ты сидишь за столом.

— Я здесь.

— Знаю.

Во рту пересохло.

— Одна?

— Нет. Рядом Андрей.

Его имя ударило неожиданнее любой магии. Виолетта молчала. Её квартира, прежняя жизнь — теперь коридор добрался и до них.

— Что мы делаем? — наконец спросила она.

Кассиус смотрел ещё несколько секунд.

— Вы смеётесь.

Виолетта закрыла глаза. Обычный вечер. Когда-то она надеялась, что таких будет много. Сейчас сама не понимала, чего хотелось сильнее: увидеть тот стол или никогда больше его не видеть.

— Не смотри больше, — сказала она. — Леон предупредил: сад показывает то, что человек хочет вернуть.

Кассиус отвёл взгляд. Почти сразу Дом тихо скрипнул. Мария подошла к Виолетте.

— Ты в порядке?

Она подумала.

— Нет. Но буду.

Мать кивнула и осталась рядом. Через несколько секунд Кассиус снова посмотрел на изображение.

— Исчезла.

Только тогда Виолетта повернулась. За спиной была стена. Она ещё немного смотрела туда, потом взяла чашку: чай успел остыть.

Марии обещали встречу с Серафимой. Ей — вечер с Андреем. Что могли показать другим? Виолетта посмотрела на Злату и Джеки, но спрашивать при Кассиусе не стала. О себе

тоже пока не могла говорить.

В дверях появился Олег с несколькими распечатанными страницами. Виолетта отключила связь.

— Я нашёл Леона Вейра.

— Быстро.

— Искать оказалось легко.

Он положил перед ней первую страницу. На фотографии был мужчина из коридора, только моложе, с совершенно чётким лицом. Под снимком стояли даты рождения и смерти.

Виолетта прочитала и нахмурилась.

— Это невозможно.

Злата подошла к столу. По записи Леон Вейр умер за одиннадцать лет до первого Разлома Эвелины.

— Ошибка? — спросил Джеки.

— Проверил три источника: свидетельство о смерти, газетную заметку и запись кладбища.

— Причина?

Олег перевернул страницу.

— Пожар.

Мария резко подняла голову.

— Где?

— В доме на том же участке.

— Но нашего дома тогда ещё не было.

— Именно.

Олег разложил старую карту. На месте, где позднее жили

Мария и Серафима, прежде стояло другое здание. Оно тоже сгорело; по документам Леон погиб внутри.

Виолетта положила фотографию рядом с картой. Два пожара, два дома на одном участке. Между ними — Разлом Эвелины, Серафима, Мария, Кассиус. Сейчас в их Дом пришёл Леон.

— Если документы верны, он уже был там до первого известного нам Разлома, — тихо сказала она.

Антон подошёл ближе.

— До его открытия?

— До того открытия, о котором рассказывала Эвелина.

Злата смотрела на даты. Виолетта ждала возражения, хотя бы поправки, но бабушка молчала. Возможно, семейная история начиналась гораздо позже самой дороги. Где тогда искать её начало?

Футляр на столе открылся. Синий свет проступал медленно. Виолетта склонилась над крышкой, ожидая нового предупреждения.

ТЕПЕРЬ ИЩИ.

— Что?

Появилась вторая строка:

НУЛЕВОЙ РАЗЛОМ.

Злата побледнела.

— Нет.

— Ты знаешь это название?

Она смотрела на синий свет, медленно качая головой.

— Нет. Но Первый Дом знает.

Под ногами глубоко и протяжно загудело. Звук шёл не от стен или пола — гораздо ниже, словно под фундаментом просыпалось что-то огромное и очень старое. Шустрик прижал уши.

— Оно снизу.

Виолетта чувствовала слабую вибрацию подошвами. Злата подняла взгляд.

— Первый Дом построили здесь не потому, что это было безопасное место.

Гул стал сильнее.

— А почему?

Злата посмотрела на пол и ответила почти шёпотом:

— Потому что здесь уже была дверь.

Глава 9. Под фундаментом

Теперь гул держался на одной ноте. Дом оставался неподвижным: не мигали лампы, не дребезжали окна, чашки не звенели. Только под ногами чувствовалась ровная глубокая вибрация.

Футляр закрылся и после слов о Нулевом Разломе больше не подавал признаков жизни. Виолетта перевела взгляд с него на Злату.

— Дверь. Ты сказала, здесь уже была дверь.

— Не дверь в обычном смысле.

— Конечно.

— Не начинай.

— Я и не начинаю.

Она действительно хотела понять. Злата села, положила трость поперёк колен, провела пальцами по потёртому дереву.

— Когда строили Первый Дом, мне было восемь.

Мария резко посмотрела на неё.

— Первый Дом старше тебя.

— Нынешний — нет. До него здесь стоял другой.

Павел поднял голову от старой карты.

— Такой же?

Злата закрыла глаза, собирая воспоминание.

— Каменный. Низкий. Почти без окон. Его называли До-

мом Корня.

— Корня, — тихо повторил Шустрик.

Она посмотрела на него.

— Ты слышал?

— Нет. Но слово старое.

— Очень. Там никто не жил постоянно. Входили только Хранители старшей линии, иногда Совет. Детей не пускали. Нам говорили, что под домом старые хранилища.

Злата усмехнулась.

— В восемь лет я верила. А потом однажды ночью дом исчез. Не сгорел, не разрушился — утром его просто не было. Осталась глубокая яма, вокруг следы, будто земля просела внутрь.

С крыши падали редкие капли. Мария смотрела на мать с нарастающим недоверием.

— Почему я никогда этого не слышала?

— Через несколько месяцев построили Первый Дом. Совет запретил рассказывать.

— И Эвелина согласилась?

Пальцы Златы замерли на трости.

— Она была против строительства. Говорила: нельзя накрывать дверь домом.

— Значит, знала о Нулевом Разломе?

— Не называла его так.

— А как?

— Низкий Порог.

Шустрик встал. Смешливость исчезла с его морды.

— Это я слышал. В старых дорожных сказках. Их рассказывали тем, кто шёл далеко от узлов. Там были места, где дорога не начинается и не заканчивается, а просто становится другой.

— Похоже на Разлом, — сказал Антон.

Шустрик покачал головой.

— В сказках про Низкий Порог говорили: нельзя переходить, даже если дорога зовёт.

— Почему?

Он задумался.

— Потому что после него возвращается не всегда тот, кто вошёл.

Виолетта посмотрела на пол. Гул продолжался, ровный и глубокий.

Из Дома пока не ушли: сначала решили проверить, что находится под ними. Олег принёс старые планы, Павел — копии строительных схем. Антон разложил бумаги прямо на полу гостиной, прижал края тяжёлыми книгами. Джеки подключил локальный анализатор и сам отключил внешние каналы, не дожидаясь замечаний Златы. Виолетта заметила, но ничего не сказала.

По документам всё было обыкновенным: фундамент, подвал, коммуникации, старые технические помещения. Ни провала, ни нижнего уровня.

— Официальные схемы, — сказал Павел. — Остатки прежнего здания должны хотя бы упоминаться в геологическом отчёте.

Олег достал другой лист.

— Не упоминаются. Отчёт составили после выравнивания участка.

— Кто его выровнял?

Олег посмотрел на Злату.

— Совет, — ответила она.

Мария выдохнула.

— Конечно.

Злата резко подняла глаза.

— Я была ребёнком.

— Я тебя не обвиняю.

— Звучит иначе.

— Тогда это твоя проблема.

Они посмотрели друг на друга и замолчали. Мария отвернулась к схемам; Злата крепче сжала трость.

Виолетта наклонилась к схеме.

— Почему мы не чувствовали это раньше?

— Возможно, было закрыто, — сказал Антон. — Самим Домом.

Злата медленно кивнула.

— Его строили как печать.

Павел поднял голову.

— Не как жильё?

— И как жильё тоже. Эвелина говорила, что Дом должен «лежать правильно». Тогда я не понимала.

Джеки посмотрел на стены.

— Архитектура как стабилизатор.

— Или как груз, — тихо сказала Мария. — Если под землёй дверь, Дом мог просто удерживать пространство в нужной форме.

Виолетта распрямилась. На этих стенах висели знакомые картины, наверху были их комнаты. Она привыкла искать здесь убежище. Что, если всё это время жила на крышке?

Около полудня Михаил предложил измерить дом обыкновенной рулеткой. Павел трижды проверил длину восточной стены: восемнадцать метров снаружи, пятнадцать метров шестьдесят сантиметров внутри подвала. Разница — два метра сорок.

Виолетта посмотрела на план.

— Это просто толщина стен?

— Если размеры на схеме верны, для стен слишком много, — ответил Павел.

— Коммуникации?

Он снова сверился с чертежом.

— В этом участке не обозначены. Может быть помещение. Или пустота.

Рулетка не показывала, что скрывается за камнем, но теперь было место, которое следовало осмотреть.

Они спустились. В подвале пахло камнем, старым деревом и прохладной землёй. Наверху Дом двигался и менял свет; здесь всё становилось плотнее, тише, даже шаги звучали глухо. Виолетта оказалась впереди и замедлилась у каменной стены в конце коридора.

Злата остановилась в нескольких шагах.

— Здесь. Я много раз проходила — ничего не было.

Шустрик приблизился и сразу отступил.

— Плохо. От неё нет запаха.

— У камня и не должно...

— Нет. Вообще ничего. Пыль, земля, люди, дерево — всё пахнет. А здесь пусто.

Он провёл лапой по носу. Джеки включил анализатор, но изображение перестало обновляться. Антон попробовал серебряный диск — тот погас.

— Низкий Порог, — тихо сказала Злата.

Мария подошла к стене. Виолетта коснулась её локтя.

— Не трогай.

Мать остановилась, едва заметно улыбнулась.

— Это ты мне?

— Да.

— Непривычно.

— Привыкай.

Несколько секунд они смотрели на камень. Потом в центре появилась тонкая синяя линия.

Линия возникала так медленно, что сначала казалась игрой света. Потянулась вверх от пола, затем поперёк прошла вторая. Контур двери, гораздо ниже синей двери из дома Марии. Человеку пришлось бы пригнуться.

— Поэтому Порог низкий, — прошептал Шустрик.

Виолетта почувствовала давление, словно с другой стороны знали, что они здесь. Она намеренно отступила. Линии остались такими же.

— Контур не изменился, — заметил Антон, глядя на стену.

— Может, внимание действует иначе.

— Может.

Она посмотрела на него.

— Быстро учишься.

— От вас.

— Не надо.

Шустрик хихикнул и сразу замолчал: на камне проступали тёмные, почти чёрные буквы. Не синий свет футляра.

ВЕРНИТЕ ТО, ЧТО ВЗЯЛИ.

— Что мы взяли? — тихо спросила Мария.

Надпись не изменилась. Злата побледнела.

— Ты знаешь, — сказала Виолетта.

— Не точно. Когда исчез Дом Корня, Эвелина говорила, что Совет вынес что-то из ямы перед тем, как её закрыли.

— Что?

— Она не видела. София видела.

Мария резко повернулась.

— Моя бабушка?

— Да. После этого она впервые начала слышать Восьмой.

Виолетта вспомнила свободный доступ Софии к Восьмому. Дар, о котором они читали в архиве, мог быть связан с тем, что вынесли из ямы. Но как?

— Совет передал ей то, что забрал?

— Не думаю, — ответила Злата. — Возможно, она сама коснулась. Эвелина потом говорила, что София «принесла часть дороги домой».

Бабушка закрыла глаза. Виолетта посмотрела на низкий контур: надпись требовала вернуть взятое, но не называла ни предмета, ни человека.

Надпись исчезла, дверь осталась. Никто не пытался открыть её. Они поднялись в гостиную; после дождя в окна наконец вошло солнце. Виолетта помедлила на последней ступеньке. Дневной свет мешал поверить в то, что оставили внизу.

Мария села у окна и снова посмотрела на руки.

— Что? — спросила Виолетта.

— Пытаюсь вспомнить Софию.

— Ты её знала?

— Немного. Она умерла, когда я была маленькой.

Злата резко подняла голову.

— Кто тебе сказал?

— Все.

— Она не умерла тогда. Исчезла, когда тебе было пять.
Мария смотрела на мать.

— Мне сказали, что умерла.

— Так решили сообщить детям.

— Где она исчезла?

Злата помолчала.

— Внизу. Возле Низкого Порога.

Мария побледнела.

— И её не нашли? Но архив Фуллеров фиксировал её гораздо позже.

— Да. Не знаю, где она была всё это время.

Виолетта вспомнила архивную запись: «София Зултан. Связь утрачена. Физическое состояние неизвестно». Там не утверждали, что София умерла. Чья-то старая история смерти оказалась удобнее неизвестности.

— Она ушла по Девятой? Через Нулевой Разлом?

— Не знаю, — ответила Злата. — Именно поэтому не лезем вниз.

— Я не предлагала.

— Пока.

— Злата. Я действительно не собираюсь открывать дверь сегодня.

Та замолчала. Пальцы разжались на трости.

— Хорошо.

К вечеру Олег нашёл первое упоминание Дома Корня в старой человеческой газете. Статья почти вековой давности рассказывала о проседании грунта возле исчезнувшего загородного имения. На плохой фотографии различалось низкое каменное строение почти без окон. Подпись: «Местные жители называют здание Домом у провала».

Злата наклонилась к снимку. Олег прочитал воспоминания пожилого местного жителя: детей не пускали к зданию, потому что «под домом нет дна».

Она сжала трость.

— Нам говорили то же самое.

— Есть ещё, — сказал Олег. — «Иногда из земли возвращаются люди, которых никто не знает».

Шустрик поднял голову.

— Вот.

— Леон? — спросила Виолетта.

— Возможно. Но в заметке имён нет.

Павел тихо сказал:

— Нулевой может означать не первый по времени. Точку, относительно которой считают остальные.

— Ноль системы координат, — отозвался Антон.

— Да. Что, если здесь когда-то размечали сеть?

Виолетта посмотрела на фотографию, затем на расстеленные планы. Восемь узлов, переходы, границы — могла ли вся знакомая сеть начинаться под этим зданием? К ответу хотелось подступиться, но у них пока были только старый сни-

МОК, ЧЬИ-ТО ВОСПОМИНАНИЯ И СЛОВО НА КРЫШКЕ.

Футляр открылся на закате. Виолетта подошла к столу.

НЕ ЦЕНТР.

Павел нахмурился.

— Тогда что?

ШРАМ.

— От чего? — спросила Виолетта.

Ответ задержался.

ОТ ПЕРВОГО РАЗДЕЛЕНИЯ.

Мария медленно поднялась.

— Разделения чего?

МИРОВ.

Виолетта прочитала ещё раз. Человеческий слой, магический, сеть — она привыкла принимать их границы как существовавшие всегда. Если слова на крышке верны, когда-то всё было иначе. Что же делают нынешние Разломы?

— Кто разделил?

Футляр долго молчал, затем вывел:

ТЕ, КТО БОЯЛСЯ, ЧТО ВЫБОР НЕЛЬЗЯ КОНТРОЛИРОВАТЬ.

— Зултаны?

ИХ ЕЩЁ НЕ БЫЛО.

— Фуллеры?

ИХ ЕЩЁ НЕ БЫЛО.

— Тогда кто?

Синий свет дрогнул.

ПЕРВЫЕ ХРАНИТЕЛИ.

Злата закрыла глаза. Виолетта стояла у стола, чувствуя усталость вместо облегчения. И Зултаны, и Фуллеры пытались распоряжаться дорогами; теперь надпись относила тот же страх к ещё более далёкому времени. Но она не объясняла, что выйдет из двери под их ногами.

— Эвелина, Разломы надо закрывать?

Ответ не появлялся так долго, что Виолетта решила: футляр опять замолчал.

НЕ ВСЕ.

— Какие?

ТЕ, ЧТО ОТКРЫВАЮТ ПРОШЛОЕ БЕЗ ВЫБОРА.

— А остальные?

НУЖНО ПОНЯТЬ.

Виолетта улыбнулась.

— Наконец-то ответ, который мне нравится.

Но футляр добавил:

У ВАС МАЛО ВРЕМЕНИ.

— Конечно, — вздохнула она.

— Почему? — спросила Мария.

ПОТОМУ ЧТО НУЛЕВОЙ УЖЕ НЕ СПИТ.

Под домом снова возник гул, теперь сильнее: вода в стакане пошла кругами. Шустрик замер. Из подвала донёсся скрип открывающейся двери.

Несколько секунд никто не двигался. Потом слыша-

лись тяжёлые медленные шаги, поднимающиеся снизу. Злата встала.

— Мы не открывали.

Виолетта похолодела.

— Значит, открыли с другой стороны.

Шаги продолжали подниматься. И среди них слышался ещё один звук — тихий, неровный.

Будто рядом со взрослым человеком шёл ребёнок.

Глава 10. Ребёнок у порога

Шаги поднимались медленно. Виолетта опустила крышку футляра и подошла к коридору, ведущему в подвал. Обычная деревянная дверь оставалась закрытой, но из-за неё тянуло прохладой земли. В гостиной тускнел свет, темнели панели. Рядом с тяжёлыми шагами слышались лёгкие, неровные, иногда пропадавшие совсем.

Злата двинулась к двери. Виолетта коснулась её локтя.

— Нет. Ты не идёшь первой.

— Я прожила в этом доме...

— Именно поэтому. Он связан с твоей семьёй и памятью.

Мы ещё не знаем, что он может тебе показать.

Злата хотела возразить, но остановилась. Подошла Мария, Джеки встал рядом с ней. Антон отключал всё, что могло случайно вмешаться в пространство; Павел смотрел на почти пустые экраны. Михаил следил за лицами людей.

Шустрик прижался к стене.

— Мне не нравится ребёнок.

— Ты его чувствуешь?

— Нет. Взрослый пахнет землёй, камнем, старым дымом.

А ребёнок — ничем.

Он сморщил нос. Виолетта вспомнила камень у Низкого Порога: от него тоже не было запаха.

Шаги стихли. Снизу раздался один тихий стук. Джеки посмотрел на Виолетту. Она не ответила. Стук повторился, чуть сильнее.

— Порог не открываем, — сказала Мария.

Виолетта кивнула. Из подвала донёсся молодой женский голос:

— Здесь есть кто-нибудь?

Злата побледнела.

— Этот голос...

— Знаешь? — спросила Мария.

Та покачала головой, не договорив. Голос повторил, уже слабее:

— Пожалуйста.

Ребёнка не было слышно. Виолетта не приблизилась.

— Кто вы?

— Не знаю.

Шустрик поднял голову.

— Что значит «не знаете»?

— Имя знаю.

— Какое?

— София.

Мария схватилась за край стола. Злата замерла.

— София кто?

— Зултан.

Злата опустилась в кресло. София Зултан — её мать, ба-

бушка Марии, женщина из архивной записи об утраченной связи. Виолетта смотрела на дверь.

— Это невозможно, — прошептала Мария.

Злата резко подняла голову.

— Не произноси это слово.

Антон начал говорить о возрасте и остановился. Они уже слышали от Серафимы и Леона, что на другой стороне время идёт иначе.

— София, сколько времени прошло для вас?

Снизу послышалось движение, словно женщина повернулась к кому-то.

— Не знаю. Несколько дней.

Злата закрыла рот рукой.

— Мама.

Слово почти растворилось. После паузы женщина спросила:

— Кто это?

Злата медленно встала. Трость осталась у кресла.

— Злата.

— Нет.

Голос за дверью сломался. Злата шагнула к нему, Виолетта удержала её.

— Подожди.

— Это моя мать.

— Если это она. Ей тоже не станет лучше, если Порог откроется неправильно.

Бабушка смотрела с яростью, тяжело дышала, но остановилась. Виолетта открыла только обычную дверь подвала. Лестница была пуста; далеко внизу мерцала синяя линия. Они спустились и остановились перед низким контуром на камне, не касаясь его.

— Скажите что-нибудь, что знает только Злата, — попросила Виолетта.

За камнем тихо засмеялись, почти со слезами.

— Она прятала груши под подушкой. Однажды уснула прямо на них.

Злата закрыла глаза.

— А утром обвинила кота.

У неё дрогнули губы. Мария тихо заплакала.

— Это она.

Виолетта не двигалась. Разлом уже показывал близких; даже такой ответ не снимал опасности.

— София, вы одна?

— Нет.

— С вами ребёнок? Кто он?

Женщина долго молчала.

— Не знаю.

Шустрик тихо заскулил.

— Он опять не пахнет.

— Вы нашли его там?

— Нет. Он пришёл за мной. Из глубины.

Виолетта посмотрела на Злату.

— Что значит «из глубины»?

— Там есть место ниже дороги.

— Ниже Нулевого Разлома?

София не ответила. Антон едва слышно сказал:

— Возможно, Низкий Порог не вход.

Павел смотрел на камень.

— Верхняя граница?

— Я не могу долго стоять, — снова заговорила София. — Дорога меняет направление. Снова пытается закрыться.

Виолетта почувствовала знакомое давление срочности. Злата смотрела на контур, прижав руки к груди.

— Почему вы не вышли раньше? Что изменилось?

— Раньше не могла. Дом проснулся.

— Он открыл вам путь?

— Не совсем. Ребёнок нашёл дверь. Думаю, он знает дорогу.

— Он говорил?

— Нет. Ни разу.

Шустрик прижал уши.

— Мне это совсем не нравится.

Виолетта тоже не понимала, зачем молчаливый ребёнок без запаха привёл женщину к этой стене.

— София, отойдите от двери. Нужно проверить, закрывается ли связь без вашего присутствия.

— Хорошо.

Взрослые шаги отдалились, рядом — лёгкие детские. Синяя линия стала тускнеть.

— Слабеет, — сказал Антон, глядя на камень.

Когда Виолетта попросила Софию подойти на шаг, свет усилился. Ещё раз назад — бледнее, вперёд — ярче.

— Привязка к ней, — тихо сказал Павел.

— Не знаем, — возразил Шустрик. — Ребёнок всё время отходит вместе с ней. Слышу его.

Виолетта кивнула.

— Пусть ребёнок останется, а вы отойдите.

— Нет, — быстро ответила София. — Я не оставлю его одного.

От этого ответа Виолетте стало немного легче. Женщина не пыталась поскорее выполнить любое условие, лишь бы её впустили.

— Тогда наоборот. Вы останетесь, а он отойдёт.

— Не слушается. Идёт только за мной.

Проверить, кто удерживает связь, они так и не смогли.

Виолетта отступила.

— Не открываем.

Злата резко повернулась.

— Там моя мать. Я не видела её десятилетиями.

— И ребёнок, которого никто не знает.

— Ты не понимаешь...

— Именно поэтому ты сейчас не можешь принимать ре-

шение спокойно.

Виолетта сразу пожалела о резкости. Но Злата уже отвернулась.

— Ненавижу тебя.

— Знаю.

— Нет, не знаешь.

— Хорошо.

Мария подошла к матери. Та не оттолкнула её. Виолетта посмотрела на камень: открыть сейчас означало впустить обоих, а что находится рядом с Софией, они так и не выяснили.

— Мы не откроем сейчас.

После долгой паузы женщина ответила:

— Правильно. Я бы тоже не открывала.

Мария тихо рассмеялась сквозь слёзы: это прозвучало так похоже на Злату.

— Но вы должны найти способ, — продолжила София.

— Быстро.

— Найдём. Быстро не обещаю.

— Хорошо.

Виолетта выдохнула, всё ещё глядя на линию.

— Есть ещё кое-что, — сказала София. — Я видела Леона на той стороне.

Злата подняла голову.

— Одного?

— Нет. С высоким, очень худым мужчиной. Лица почти не было видно.

Виолетта вспомнила тень в саду из рассказа Марии. Касиус тоже слышал неизвестный голос, но никого не видел. Один ли это был человек?

— Они были вместе?

— Нет. Леон убегал от него.

— Он преследует Леона? Серафиму?

— Иногда. Обоих.

Мария побледнела.

— Значит, он не хозяин дома. Тогда кто?

София долго молчала. Когда ответила, голос стал тише:

— Он собирает тех, кто хочет вернуться.

Виолетта вспомнила белую дверь и себя рядом с Андреем. Если человек соглашался войти, что происходило потом?

— Зачем собирает? Вы видели?

— Не знаю зачем. Один раз видела. Женщина хотела вернуться к детям. Он показал ей дверь, она вошла.

Мария закрыла глаза.

— Вернулась?

София очень долго не отвечала.

— Нет.

— Куда делась? — тихо спросил Шустрик.

За камнем послышалось близкое детское дыхание.

— Стала дверью.

Виолетта почувствовала, как поднимаются волосы на руках. Синяя дверь, белый проход, принявший вид её квартиры...

— Каждая дверь — человек? — спросил Антон.

— Не знаю. Некоторые, возможно.

— София, дверь, через которую вы пришли...

Виолетта остановилась. За камнем стало тихо, исчезло даже дыхание.

— София? София!

Линия ярко вспыхнула. Злата шагнула вперёд.

— Мама!

Ответил детский голос, совсем близкий:

— Она ушла.

— Куда? — спросила Виолетта.

— Домой. Туда, куда хотела.

Ребёнок тихо засмеялся. Шустрик отступил.

— Это не ребёнок.

— Кто ты?

После паузы голос ответил:

— Дверь.

Раскрылся свет внутри контура. Сам камень остался неподвижным, но в нём возникло изображение сада и дома. Вдалеке стояла молодая София, рядом с ней — маленькая Злата.

Злата всхлипнула. Сад выглядел безупречно — слишком спокойно после того, что женщина рассказывала за камнем.

— Не смотреть, — сказала Виолетта.

Злата сделала ещё шаг. Мария схватила её; маленькая девочка в изображении протянула руки.

— Мама!

Виолетта встала перед бабушкой, закрыла обзор.

— Смотри на меня.

— Уйди.

— Нет. Это не она.

— Я знаю!

По лицу Златы текли слёзы.

— Я знаю. Поэтому и больно.

Виолетта замолчала и осталась на месте. Изображение начало меркнуть. Детский голос стал раздражённым:

— Она хотела домой.

— Хотеть вернуть прошлое — не значит хотеть жить в нём, — сказала Виолетта.

Свет дрогнул. Она вспомнила стол в своей квартире. Ей хотелось вернуть смех за ним, но не весь брак, не годы, которые привели к подписанным бумагам.

— Закройся.

Голос рассмеялся.

— Ты не можешь приказать.

— Не приказываю. Я выбираю не входить.

Свет ослаб.

— И она?

— Злата решит сама.

Бабушка тяжело дышала за её спиной.

— Я не иду.

Мария шагнула ближе.

— Я тоже.

Джеки и Антон отказались следом, остальные — один за другим. Виолетта слушала каждый голос, не торопя. Даже Шустрик сказал:

— Я вообще маленький.

Это почему-то помогло. Синий контур исчез. Перед ними снова была каменная стена.

Несколько минут никто не говорил. Злата села прямо на нижнюю ступень лестницы. Мария устроилась рядом, их плечи соприкоснулись. Виолетта осталась чуть дальше.

— Значит, оно может создавать двери из желания вернуться, — осторожно сказал Павел.

Шустрик сидел у стены, всё ещё напуганный.

— Не одно.

— Что?

— Запахов не было, но голоса разные. Там много.

— Может, одно существо меняет голос?

Он покачал головой.

— Думаю, дверей много.

Виолетта посмотрела на стену.

— И каждая когда-то была человеком?

— Не знаю. Но думаю, они помнят, кем были.

Когда они поднялись в гостиную, футляр открылся сам.
Синий свет был слабым.

ТЕПЕРЬ ВЫ ПОНЯЛИ.

Виолетта села напротив.

— Частично.

ЭТОГО ДОСТАТОЧНО.

— Нет.

ДЛЯ СЕГОДНЯ.

Она почти усмехнулась.

— Где София?

Ответ не появился.

— Она жива?

После долгого молчания появилось:

ДА.

Злата закрыла глаза.

— Она вернётся?

ЕСЛИ ВЫ НЕ ПОЗОВЁТЕ ЕЁ ОБРАЗ.

— Что это значит?

ИЩИТЕ ЧЕЛОВЕКА. НЕ ТО, ЧТО ХОТИТЕ УВИДЕТЬ.

— Как?

ВСПОМНИТЕ ТО, ЧТО БЫЛО НЕУДОБНО.

Злата открыла глаза. На крышке проступили новые строки:

ЛОЖНЫЕ ДВЕРИ ПОКАЗЫВАЮТ ТОЛЬКО ТО, ЧТО
ВЫ ХОТИТЕ ВЕРНУТЬ.

НАСТОЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК ПОМНИТ И ТО, ЧТО ВЫ ХО-

ТЕЛИ БЫ ЗАБЫТЬ.

Виолетта перечитала. Рассказ о грушах мог вызвать улыбку и слёзы. Что будет, если спросить о ссоре, обиде, ошибке — о том, чего не хочется возвращать?

— Я знаю, что спросить у Софии, — сказала Злата.

Мария посмотрела на неё.

— Что?

Бабушка устало улыбнулась.

— Как она разбила мою первую любовь.

— Она что сделала?

— Долго. Завтра.

Виолетта тоже улыбнулась.

— Согласна.

Злата подняла бровь.

— Не хочешь узнать сейчас?

— Очень. Завтра.

Шустрик простонал.

— Вы стали невыносимо разумными.

— Переживёшь.

Он задумался.

— Возможно.

Антон закрыл глаза.

— Нет.

Шустрик довольно улыбнулся.

Поздно вечером Виолетта вышла на веранду. После двух

почти бессонных ночей болели плечи, закрывались глаза, мысли двигались медленнее. Лес был спокойным. Первый Дом стоял за спиной, тёплый и тяжёлый.

Она пыталась представить женщину, которая хотела вернуться к детям и, по словам Софии, стала дверью. Потом снова увидела белый проход и Андрея за столом. Если бы он открылся неделю назад, она, возможно, вошла бы.

От этой мысли стало холодно. Виолетта обхватила плечи, не уходя с веранды. Ей всё ещё было жаль тех вечеров. Но за ними стояло остальное, и она слишком хорошо помнила, почему решила уйти.

Скрипнула дверь веранды. Мария вышла с двумя чашками.

— Чай.

— Спасибо.

Она села рядом. Некоторое время они молчали, затем мать сказала:

— Думаю о Серафиме. Если дверь покажет мне её завтра...

— Не идёшь.

— Не иду. Даже если попросит.

Виолетта повернулась к ней.

— Хорошо.

Мария сделала глоток.

— А если покажет тебе Андрея?

Виолетта посмотрела на тёмный лес.

— Будет больно. Но документы я всё-таки подписала.

Мать тихо рассмеялась. Несколько минут они просто сидели рядом, и чай понемногу остывал.

А далеко под их ногами Низкий Порог оставался закрытым. Пока.

На каменной стене, которую никто сейчас не видел, появилась тонкая белая надпись:

ОДИН ИЗ ВАС УЖЕ ВХОДИЛ.

Под ней медленно проступила вторая:

И ВЕРНУЛСЯ НЕ ОДИН.

Глава 11. Тот, кто уже возвращался

Виолетта проснулась почти в десять. Между мокрыми ветвями пробивалось солнце, на веранде блестели капли воды. После ночных голосов у Низкого Порога она почти ожидала увидеть за окном фрагмент чужого мира. Но лес выглядел обыкновенно.

Снизу звякнула посуда, слышался голос Олега, ответ Михаила, короткий смех Шустрика. Виолетта некоторое время лежала, прислушиваясь к дому. Перед сном она думала, что утром первым делом вспомнит Софию и ребёнка, назвавшего себя дверью.

Вместо этого вспомнила Андрея. Самого Андрея, а не белую дверь и квартиру, которую показал Разлом.

Как он раздражённо искал ключи, хотя почти всегда оставлял их в одном и том же месте. Как пил слишком горячий кофе и каждый раз обжигался. Как мог молчать полвечера, а потом неожиданно рассказать что-нибудь совершенно незначительное с таким количеством подробностей, что Виолетта начинала смеяться.

Разлом показал ей только то, что хотелось вернуть: они сидели за столом и смеялись. Ни раздражения, ни усталости, ни того, что когда-то заставило их отдалиться. А сейчас Виолетта вспоминала человека, с которым действительно жила, и всё яснее понимала предупреждение Эвелины.

Она подошла к окну.

В саду Мария разговаривала с Джеки. Они стояли возле мокрой яблони, не слишком близко друг к другу; Виолетта не слышала слов. Джеки что-то сказал, Мария покачала головой и ответила. Он отвернулся, она коснулась его руки.

Виолетта задержалась у окна. Двадцать семь лет не помещались в один утренний разговор.

На кухне пахло кофе и горячим хлебом.

Злата сидела за столом в тёмно-синем халате и выглядела так, словно вообще не ложилась. Перед ней лежала старая записная книжка, но она не читала. Просто держала ладонь на раскрытой странице.

Шустрик ел что-то подозрительно похожее на кусок пирога.

— Это откуда?

Он перестал жевать.

— Нашёл.

— Где?

— На кухне.

— На кухне не было пирога.

— Теперь есть.

Виолетта посмотрела на Злату.

— Я испекла ночью.

Это объяснение было ещё страннее.

— Ты?

— У меня была бессонница.

— И ты решила испечь пирог?

— В отличие от некоторых, я умею справляться со стрессом конструктивно.

Шустрик энергично кивнул.

— Очень конструктивно.

Виолетта села.

На несколько минут разговор закончился. Она налила чай, взяла хлеб и позволила себе просто поесть.

Злата не торопила.

Это тоже было новым.

Наконец Виолетта посмотрела на записную книжку.

— София?

Злата кивнула.

— Её.

— Дневник?

— Нет. Рецепты.

Виолетта удивилась.

— Рецепты?

— Эвелина сказала искать человека.

Злата провела пальцем по старой странице.

— Я решила начать с того, кем моя мать была дома.

Виолетта промолчала. Злата перевернула страницу: короткие записи, пятна, исправления, несколько строчек другим почерком.

— Она ужасно готовила, — сказала Злата.

— А пирог?

— Это мой рецепт.

— Слава богу.

— Очень смешно.

Но уголок её рта дрогнул.

— София могла забыть соль, перепутать сахар с мукой, однажды умудрилась сжечь суп.

— Как можно сжечь суп?

— Я до сих пор не знаю.

Шустрик поднял голову.

— Я хочу познакомиться с этой женщиной.

Злата улыбнулась, вспомнив сгоревший суп. Вчера ложная дверь показывала ей молодую мать в солнечном саду; теперь перед Виолеттой была женщина, которая помнила и раздражение, и смешное, и несовершенное.

— Вот это, — сказала Виолетта.

— Что?

— То, что нужно.

Злата поняла. Такие воспоминания могли помочь им узнать Софию. Виолетта только надеялась, что Разлом не сумеет воспользоваться и ими.

Около одиннадцати Олег принёс на кухню папку. Прежде чем открыть её, посмотрел на Виолетту.

— Мы с Михаилом утром спустились в подвал. На каменной стене появились две строки. «Один из вас уже входил.

И вернулся не один».

Виолетта отодвинула чашку.

— Порог?

— Закрыт. Ничего не трогали.

Олег положил перед ней фотографию.

— Разбирал материалы по Дому корней. Попался этот снимок.

— Ещё один пожар?

— На этот раз нет.

На веранде Первого Дома стояли семеро: Эвелина, молодая Злата, несколько незнакомых мужчин и женщин. Качество старой фотографии было удивительно хорошим.

Один из мужчин выглядел как Джеки.

Виолетта нахмурилась.

— Когда это?

Олег назвал год.

— Джеки в человеческом слое тогда было...

— Девять.

Виолетта снова посмотрела на снимок.

— Здесь взрослый мужчина. Значит, это не он.

— Я тоже так подумал.

Но сходство было почти абсолютным: черты, рост, поворот головы. Даже одна рука в кармане, как у Джеки.

— Отец?

— Нет.

— Родственник?

— Не нашёл.

Злата подошла и застыла.

— Я помню этот день.

— Кто мужчина?

Она продолжала смотреть на снимок.

— Не знаю.

— Ты разговаривала с ним?

— Наверное.

— «Наверное»?

Злата раздражённо подняла глаза.

— Мне было двадцать два. Я не обязана помнить каждого человека, стоявшего на веранде.

Виолетта остановила готовое возражение. Действительно, могла не помнить. Она снова посмотрела на мужчину: забытое имя не объясняло его сходства с Джеки.

— Покажем Джеки.

Джеки вернулся из сада вместе с Марией. Она выглядела усталой, он — задумчивым. Виолетта рассказала им о надписи, найденной утром в подвале, затем протянула снимок.

Джеки на мгновение перестал дышать.

— Где ты это взяла?

— Олег нашёл.

— Кто он?

— Мы надеялись, что ты скажешь.

Мария встала за плечом Джеки и наклонилась к фотогра-

фии.

— Господи. Это ты.

— Меня тогда здесь не было.

— Я знаю.

Джеки провёл пальцем по снимку, ещё раз спросил год и медленно сел.

— Мне девять. Я жил с Арденом в человеческом слое. Он тогда ещё почти не привозил меня к Фуллерам.

— В Первом Доме ребёнком бывал? — спросила Виолетта.

— Нет.

— Был, — резко сказала Злата.

Джеки нахмурился. Она смотрела на снимок, словно пыталась удержать что-то ускользающее.

— Я вспомнила мальчика. Примерно девятилетнего. В тот же год.

Он снова поднялся.

— Я здесь не был.

— Я видела тебя в подвале, возле лестницы. Ты был мокрый, одежда вся в грязи, а на руке кровь.

Джеки побледнел.

— Этого не было.

— Я помню.

— Почему раньше не сказала?

Злата подняла на него глаза.

— Потому что до этой минуты не помнила.

Мария подошла к нему.

— Что ты помнишь из того года?

Джеки раздражённо провёл рукой по лицу.

— Школу. Дом. Ардена.

— А какой-нибудь конкретный день?

Он посмотрел на неё и попытался вспомнить.

— Зиму помню. Весну тоже. Потом...

Джеки замолчал. Виолетта ждала, не задавая следующего вопроса.

— Есть провал, — сказал он наконец. — Больше недели. Может быть, месяц.

Мария побледнела.

— Ты говорил об этом Ардену?

— Мне было девять!

Он ответил резко, но сразу выдохнул.

— Прости. Он говорил, что я болел.

Мария покачала головой.

— Не за что извиняться. Чем болел?

— Не помню.

Виолетта повернулась к Олегу.

— Нужны медицинские записи.

Олег сделал пометку в планшете.

— Проверю.

Шустрик подошёл к фотографии. Долго смотрел, потом принялся.

— Пахнет неправильно.

Виолетта моргнула.

— Фотография?

— Да.

— Ты чувствуешь запах с фотографии?

— Иногда.

— Очень удобно, что мы узнаём о твоих способностях по одной за раз.

— Я тоже не всё про себя знаю.

Он снова принялся.

— Мужчина пахнет как Джеки. И ещё как подвал.

Виолетта посмотрела на снимок. Шустрик нашёл чужой след, но сказать, кому принадлежало лицо, по-прежнему не мог.

Джеки поднялся.

— Идём вниз.

— Нет, — одновременно произнесли Виолетта и Мария.

Он посмотрел на обеих. В другой ситуации это было бы почти смешно.

— Я должен понять.

Виолетта показала на фотографию.

— Сначала выясним, кто этот человек. Утром там написали, что один из нас уже входил и вернулся не один. Если речь о тебе, тем более нельзя идти вслепую.

Джеки смотрел на снимок, затем сел обратно.

К вечеру Олег вернулся из человеческого мира с копией медицинской карты из старого архива Ардена. Период болезни Джеки длился сорок один день. Диагноз отсутствовал; вместо него стояло:

«Период восстановления после пространственной травмы».

Мария прочитала дважды.

— Пространственной?

Джеки молчал. На следующей странице была короткая, почти неразборчивая запись Ардена:

«Дж. вернулся. Физически стабилен. Память не восстанавливать».

По рукам Виолетты прошёл холод.

— Вернулся.

Джеки смотрел на почерк человека, который воспитывал его.

— Он знал. Всю жизнь знал.

Никто не ответил. Олег перевернул страницу. Там было ещё одно предложение:

«Второй объект не обнаружен».

Антон нахмурился.

— Объект?

— Арден писал техническим языком, — глухо сказал Джеки. — Возможно, чтобы скрыть смысл.

Виолетта посмотрела на него.

— Или чтобы самому не думать о том, что речь идёт о человеке.

Джеки поднял глаза и не возразил.

Футляр Эвелины, лежавший на столе рядом с папкой, открылся через несколько минут. Виолетта почти ожидала этого. Синий свет лёг на документы Ардена, появилась строка:

ОН БЫЛ РЕБЁНКОМ.

Джеки не отрывал от неё взгляда.

— Я входил?

ДА.

Мария закрыла глаза.

— Как?

СЛУЧАЙНО.

— Через Низкий Порог?

Пауза.

ДА.

— Кто тебя вытащил? — спросила Виолетта.

Ответ:

СОФИЯ.

Злата тихо ахнула.

Виолетта посмотрела на Злату. Если футляр говорил правду, София помогла Джеки вернуться из того места, где сама исчезла.

— Она осталась вместо него? — спросила Мария.

Свет дрогнул.

НЕТ.

Виолетте стало немного легче.

— Тогда почему София не вернулась? Кого она там увидела?

Ответ появился не сразу.

ПОТОМУ ЧТО УВИДЕЛА ТАМ СЕБЯ.

Злата побледнела.

— Что значит — себя?

ТУ, КОТОРАЯ УЖЕ БЫЛА ТАМ.

В комнате стало совершенно тихо.

Две Софии.

Или две версии одного человека. Виолетта вспомнила разные дороги и время, которое шло на них неодинаково.

— Поэтому она не вернулась?

ПОТОМУ ЧТО ПОНЯЛА: ОДНА ИЗ НИХ УЖЕ ВЕР-
НУЛАСЬ.

Джеки резко поднял голову.

— Когда?

Синий свет изменился.

ВМЕСТЕ С ТОБОЙ.

Виолетта слышала собственный пульс. Они опасались неизвестного существа, пришедшего с одним из них. Теперь футляр называл Софию.

— Какая София вернулась? — спросила Злата. — Моя мать?

Ответ не появлялся.

— Эвелина!

Синий свет вспыхнул.

Я НЕ ЗНАЛА.

Злата отступила. Эвелина рассказывала им об этом и всё же не могла сказать, какая из двух женщин вышла вместе с Джеки.

— Где она? — спросила Виолетта. — Та София, которая вернулась вместе с Джеки?

Футляр ответил:

ИСЧЕЗЛА ЧЕРЕЗ ТРИ ДНЯ.

— Куда?

НЕ ЗНАЮ.

— Арден знал?

ДА.

Джеки закрыл глаза. Виолетта вспомнила пожарный журнал, а теперь перед ними лежала запись о пространственной травме. Арден опять оказывался рядом с событием, о котором не говорил.

— Где остальные записи? — спросила она.

Олег поднял папку.

— Это всё, что нашёл.

Джеки медленно открыл глаза.

— У него был личный архив. Я думал, уничтожен. Но он однажды сказал: «Если когда-нибудь начнут появляться лишние двери, ищи там, где я хранил вещи, которых не

должно существовать».

Виолетта выдохнула.

— Он не мог говорить проще?

— Он дружил с Кассиусом.

— Это многое объясняет.

Даже Мария на секунду улыбнулась.

— Где архив?

— В старом доме Ардена.

Они не поехали сразу. Джеки тяжело далось ожидание, но он сам решил сначала проверить адрес.

Дом существовал и стоял пустым почти двадцать лет. Олег не нашёл сведений о посещениях за это время. За спутниковыми снимками и старыми планами Олег снова отправился в человеческий мир. Михаил проверил окружение, Антон подготовил приборы.

Виолетта наблюдала за ними. После каждого нового открытия её тянуло скорее добраться до следующего, и сейчас она особенно хорошо понимала Джеки. Но теперь оставались в Доме, ожидая снимков и планов.

Поздно вечером Мария нашла Джеки на веранде. Окно гостиной было открыто, и Виолетта слышала их разговор.

— Ты злишься на Ардена?

Он ответил после долгой паузы:

— Да.

— За то, что скрыл?

— За то, что решил за меня.

Мария молчала.

— Но мне было девять, — добавил он. — И это всё меняет.

— Да.

— И ничего не меняет.

— Тоже да.

Виолетта опустила глаза.

— Не знаю, имел ли он право решать, что мне помнить, — сказал Джеки. — Но если бы моему ребёнку было девять и он вернулся оттуда...

Он замолчал. Мария тихо закончила:

— Ты бы тоже хотел его защитить.

— Да. Даже неправильно.

Некоторое время было тихо, потом она спросила:

— Ты хочешь вспомнить?

Джеки долго не отвечал.

— Не знаю.

Виолетта отошла от окна.

Когда Виолетта шла к себе, в коридоре второго этажа обнаружилась фотография, которой раньше там не было. Дом не гудел, дверь не появлялась; на стене висела старая деревянная рамка с семейным снимком.

На нём стояли Злата, Мария, Джеки и сама Виолетта. Ря-

дом с Джеки — маленький мальчик, лет девяти. Он держал взрослого за руку; лица не было видно.

Виолетта остановилась в нескольких метрах. Она не помнила такого снимка и уже знала, что к новому изображению в Доме не нужно подходить ближе.

— Нет, — тихо сказала она.

Изображение дрогнуло.

Мальчик повернул голову.

И хотя это была фотография, Виолетта почувствовала его взгляд.

— Ты не настоящий.

Фигура не исчезла.

Вместо этого на стекле появилась надпись.

СПРОСИ ЕГО, ПОЧЕМУ ОН ВЕРНУЛСЯ ВЗРОСЛЫМ.

Виолетта посмотрела на взрослого Джеки, потом на мальчика рядом с ним. На архивном снимке с веранды тоже стоял взрослый мужчина с его лицом — в год, когда Джеки в человеческом слое было девять.

Она вспомнила медицинскую карту. «Дж. вернулся. Физически стабилен». Возраста в этой записи не было. Возможно, они поняли её неправильно. Но и надпись на стекле могла вести их к очередной ошибке.

Фотография потемнела.

Мальчик исчез.

Осталась одна строка:

ОН ПОМНИТ ТЕБЯ.

— Кто?

Ответ возник на стекле.

ТОТ, КТО ОСТАЛСЯ ДЕВЯТИЛЕТНИМ.

Виолетта стояла в пустом коридоре и впервые за всё это время боялась не того, что может выйти из Разлома.

Она боялась другого.

Что человек, которого они всю жизнь называли Джеки Фуллером, действительно был Джеки.

Но не единственным.

Глава 12. Дом Ардена

Утром Виолетта прежде всего пошла на кухню искать Джеки. Ей нужно было увидеть его, прежде чем рассказывать о ночной фотографии.

Он сидел у окна, пил кофе и просматривал старые планы дома Ардена. Рядом лежал карандаш; время от времени Джеки делал пометки на полях. Виолетта и раньше замечала: чем важнее становилась информация, тем чаще он возвращался к бумаге.

Напротив Мария чистила яблоко, снимая кожуру тонкой спиралью. Они почти не разговаривали. Виолетта остановилась в дверях: мать ещё недавно не могла так спокойно сидеть рядом с ним.

Джеки первым заметил её.

— Доброе утро.

— Смотря для кого.

Он поднял бровь. Виолетта подошла к столу, Мария сразу отложила нож.

— Ты опять что-то видела?

— Почему сразу «опять»?

Мать посмотрела выразительно.

— Хорошо. Видела.

Джеки закрыл планы. Виолетта рассказала про фотографию в коридоре, мальчика рядом с ним и надписи на стекле.

Собственных выводов добавлять не стала.

Он долго молчал. Мария смотрела на него, но не касалась.

— Фотография осталась?

— Нет. Утром там снова была обычная картина.

— Ты не трогала её?

Виолетта усмехнулась.

— Даже обидно, насколько сильно вы все удивляетесь моему прогрессу.

Джеки едва заметно улыбнулся.

— Я не удивляюсь. Я проверяю.

— Уже хуже.

Мария тихо рассмеялась. Джеки посмотрел на закрытые планы и снова стал серьёзным.

— «Тот, кто остался девятилетним», — повторил Джеки.

— Это может быть попытка заставить меня войти. Но если там действительно остался ребёнок...

Он замолчал. Виолетта не стала заканчивать за него. В надписи было именно то, мимо чего он не смог бы пройти.

— Мы не знаем, правда ли это, — сказала Мария.

Джеки кивнул.

— Поэтому сначала едем в старый дом Ардена. Посмотрим записи.

Выбравшись в человеческий слой, они поехали к старому дому Ардена, на давно не используемые владения Фуллеров. Весь путь от Первого Дома занял почти два часа.

Дорога становилась уже. Асфальт сменился старым покрытием с трещинами, затем гравийной полосой между высокими деревьями. Листья уже желтели; по обочинам лежали влажные ветки, низкое солнце пробивалось сквозь кроны и заставляло щуриться.

Виолетта сидела у окна рядом с Марией. Впереди — Джеки и Михаил. Во второй машине ехали Олег, Антон и Павел.

Злата сама решила остаться в Первом Доме.

— Если Низкий Порог снова откроется, кто-то из нашей линии должен быть здесь.

Шустрик объяснил свой выбор иначе:

— Кто-то должен следить за пирогом.

Злата заявила, что пирог в защите не нуждается. Шустрик ответил, что именно так обычно и начинаются трагедии.

Виолетта вспомнила их спор и посмотрела на лес. В другой день она заполняла бы дорогу словами; сейчас говорить не хотелось.

— Ты молчишь, — сказала Мария.

— Бывает.

— Редко.

Виолетта повернулась.

— Думаю.

— О Джеки?

С переднего сиденья донеслось:

— Я всё слышу.

— Мы знаем, — ответила Виолетта.

Мария улыбнулась.

— Тогда можно говорить вслух.

— Очень удобно.

Джеки не обернулся.

Виолетта смотрела на его затылок. Те же движения, тот же голос — и всё-таки она ловила себя на том, что ищет несоответствия. Вчера он был просто её отцом. После надписи даже обычный поворот головы заставлял всматриваться.

Она разозлилась на себя.

— Я думаю не о том, настоящий ли ты, — сказала она.

Джеки всё-таки повернул голову.

— А о чём?

— О том, что вообще означает «настоящий».

Михаил коротко посмотрел на неё через зеркало.

— Философия началась.

— Не мешай.

Мария усмехнулась.

Виолетта продолжила:

— Допустим, ты действительно вошёл туда в девять лет.

Потом произошло что-то, чего мы пока не понимаем, и появился ты взрослый.

— Спасибо, звучит успокаивающе.

— Я стараюсь.

Она ненадолго замолчала.

— Но у тебя есть вся твоя жизнь после этого. Арден. Фуллеры. Мария. Я. Всё, что ты делал, выбирал, портил, исправ-

лял...

— Особенно портил, — тихо сказала Мария.

Джеки посмотрел на неё.

— Спасибо.

— Всегда пожалуйста.

Виолетта улыбнулась.

— Именно. Если даже выяснится, что твоё появление было каким-то пространственным парадоксом, это не отменит прожитых лет.

Джеки отвернулся к дороге и некоторое время молчал.

— А если там остался ребёнок?

Виолетта не нашла ответа.

— Тогда будем думать, как помочь ему, — сказала Мария.

Джеки тихо спросил:

— А кто из нас тогда должен жить мою жизнь?

Она посмотрела на него.

— Ты уже её живёшь.

— А он?

— Свою.

Джеки ничего не ответил. Виолетта тоже молчала до самого дома.

Вместо фамильного поместья с башнями и потайными лестницами перед ними стоял обычный двухэтажный дом из тёмного кирпича. На дорожке пробилась трава, водосточная труба отошла от стены, несколько ставней перекошились.

Ветви большого дерева почти касались крыши.

Джеки вышел первым и остановился у калитки. Мария по-
дошла, оставив между ними немного пространства.

— Давно не был?

— С тех пор как отсюда съехали.

Виолетта снова посмотрела на дом. Здесь Джеки рос. Мо-
жет быть, именно отсюда исчез, когда ему было девять, и сю-
да потом вернулся.

— Можем не заходить сразу, — сказала она.

Он посмотрел.

— Ты серьёзно?

— Да.

— После двух часов дороги?

— Это не аргумент.

Джеки неожиданно улыбнулся.

— Арден говорил то же самое.

— Что именно?

— Потраченные усилия не делают плохое решение хоро-
шим.

Виолетта посмотрела на дом.

— В таком настроении он мне бы понравился.

— Первые десять минут.

— А потом?

— Он бы начал тебя воспитывать.

— Беру слова обратно.

Михаил повернул обычный ключ. Замок заржавел, и пришлось несколько раз надавить плечом, прежде чем дверь поддалась.

Внутри пахло пылью, деревом и холодом. Олег включил фонарь. На вешалке оставалось старое пальто, под ней — две пары обуви; зеркало потемнело по краям.

Джеки вошёл последним. Остановился, рассматривая вещи, затем подошёл к вешалке и коснулся пальто.

— Здесь ничего не менялось? — спросила Мария.

— Похоже.

Джеки задержал руку на ткани.

— Его.

Никто не торопил.

Джеки прошёл в гостиную. Старое кресло, стопку книг рядом с ним и чашку на столике покрывала пыль.

— Он сидел здесь.

Мария огляделась.

— Ты жил наверху? Покажешь?

Джеки кивнул.

В детской часть мебели была накрыта тканью, шкаф стоял открытым, несколько книг упали на пол. На стене висела карта звёздного неба.

— Ты интересовался астрономией? — спросила Виолетта.

— Нет. Арден считал, что ребёнку полезно видеть что-нибудь больше себя.

— Я его таким не представляла.

На полке стояли маленькие модели самолётов и деревянные фигурки. Виолетта взяла старую фотографию, стараясь не касаться стекла пальцами. С неё смотрел мальчик лет восьми или девяти — с серьёзными глазами и сдержанной улыбкой.

Она посмотрела на взрослого Джеки. Сходство было очевидным.

— Странно, — сказала она.

— Что?

— Я всё время представляла тебя ребёнком уже таким.

— Каким?

— Раздражённым.

Мария засмеялась.

Джеки покачал головой.

— Я был прекрасным ребёнком.

— Конечно.

— Очень спокойным.

Из коридора позвал Михаил:

— Я нашёл дыру в двери.

Они вышли. На внутренней стороне косяка, примерно в метре от пола, была маленькая выемка. Джеки подошёл и провёл пальцем по дереву.

— Я делал отметки роста.

Рядом сохранились тонкие линии: семь лет, восемь, девять. Следующая, без даты, находилась почти на полметра

выше.

Мария приблизилась.

— Ты так быстро вырос?

— Нет. Этой отметки вообще не помню.

Антон достал прибор.

— Можно попробовать определить, когда повредили дерево.

Джеки кивнул.

— Проверь.

Пока Антон работал, Виолетта подошла к окну. Между деревьями виднелась почти разрушенная беседка, дальше начинался лес.

— Обе отметки могли быть сделаны в один период, — сказал Антон наконец. — Возможно, в пределах нескольких недель. Но погрешность большая.

Джеки смотрел на две линии. Виолетта представила, как ребёнок стоит у косяка, а через несколько недель на том же месте оказывается взрослый. Показания допускали это. Что случилось на самом деле, она пока не понимала.

Джеки вернулся в детскую и сел на кровать. Старая рама тихо скрипнула. Мария присела рядом; на этот раз он не отстранился.

— Я не помню этого.

— Знаю.

— Я должен помнить. Это моя жизнь.

— Тебя не нужно заставлять вспоминать то, что с тобой сделали без твоего согласия.

Он посмотрел на неё.

— Ты сейчас говоришь о себе или обо мне?

Мария ответила не сразу:

— О нас обоих.

Виолетта отвернулась и вышла в коридор.

В кабинете Олег исследовал письменный стол у окна. Стены были заняты полками, картами и фотографиями.

— Нашёл архив?

— Пока нет.

Виолетта прошла вдоль книг.

— «Вещи, которых не должно существовать». Очень конкретно.

— Есть идеи?

— Не искать тайную кнопку. Арден воспитывал Джеки. Если хотел, чтобы тот нашёл архив, оставил бы что-нибудь понятное ему.

Олег задумался.

— Тогда нужно спросить Джеки.

— Не сейчас. Дай ему немного времени.

Она посмотрела на дверь детской.

Примерно через час Мария спустилась на кухню за водой. В старом шкафу обнаружили шесть одинаковых банок с чаем. Пять были пустыми, шестая не открывалась. Она при-

несла её в кабинет.

Джеки посмотрел и впервые с момента приезда рассмеялся.

— Конечно. Арден ненавидел чай.

— Тогда зачем шесть банок? — спросила Виолетта.

— Именно.

Джеки повернул дно. Щёлкнул механизм, часть книжного шкафа медленно отошла от стены.

— И это ты называешь «не тайная кнопка»? — спросил Олег.

— Я ошиблась.

За шкафом была маленькая комната: металлические шкафы, стол, несколько коробок. Пахло долго хранившейся бумагой. На стене от руки было написано:

**НЕ ВСЁ, ЧТО ВЕРНУЛОСЬ, НУЖНО ОТПРАВЛЯТЬ
ОБРАТНО.**

Джеки остановился.

— Его почерк.

Виолетта прочитала снова. Что именно Арден решил оставить здесь?

На каждой папке стоял номер. Даты, имена, события — Олег быстро нашёл нужный год и положил папку на стол.

Джеки не взял её.

— Открой ты.

Виолетта подняла глаза.

— Почему я?

— Если там что-нибудь плохое, ты всё равно скажешь первой.

— Очень разумно.

На первой странице было написано:

СЛУЧАЙ D-9.

Дата исчезновения: 14 мая.

Дата первого возвращения: 17 мая.

Дата второго возвращения: 24 июня.

Виолетта перечитала. Джеки подошёл к столу, Мария — рядом с ним.

— Он возвращался дважды, — сказал Антон.

Виолетта перевернула страницу.

«Первое возвращение: субъект физически соответствует возрасту 9 лет. Состояние тяжёлое. Контакт сохранён. Утверждает, что внутри провёл приблизительно двое суток».

Джеки побледнел.

— Я вернулся ребёнком.

Ниже стояла запись:

«Через шесть часов субъект исчез повторно из закрытого помещения. Следов пространственного перехода не обнаружено».

Мария схватила Джеки за руку. Он смотрел на бумагу, не замечая её движения. Виолетта прочитала дальше:

«Второе возвращение: субъект физически соответствует возрасту приблизительно от 31 до 34 лет. Биологические по-

казатели идентичны D-9. Память фрагментарна. Утверждает, что не помнит периода между первым и вторым переходом».

— Тридцать один... — произнёс Джеки.

Виолетта попыталась соотнести эти годы с его жизнью. Они знали, что время по разные стороны идёт иначе, но запись не объясняла, куда делась память о взрослении.

— Где девятилетний Джеки после второго исчезновения?

Олег перевернул страницу. Там от руки было написано:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.